

НАДЕЖДА ВОЛГИНА

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

*Ты будешь целительницей,
даже если не хочешь этого!*

16+

Надежда Волгина

Целительница

Серия «Вечная любовь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34445881

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-532-11371-8

Аннотация

Мечтаешь стать великой писательницей? Как бы не так! Совсем иное предначертано судьбой – дар целительства, причем навязанный силой. Не нравится – смирись, изнурительно – держись изо всех сил, отказываешься – так поздно уже, назад пути нет. Только вот умудрись еще себя не потерять, любовь разглядеть и уважение заслужить. Для обложки использованы фото со стока фотографий и изображений shutterstock.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Есть ли кто-нибудь в мире, кому удалось
Утолить свою страсть без мучений и слез?
Дал себя распилить черепаховый гребень,
Чтобы только коснуться любимых волос!

О. Хайам

Пролог

Удары в дверь становились ощутимее, как и гомон во дворе.

– Федь, айда бревно с моего огорода притащим. Дверь ломать будем.

– Спятили, ироды?! Чать, сама откроет. Чего хату-то рушить? Хоть и ветхая, а простоит еще не один десяток лет.

Спасибо, баб Маш, опять выручила. Наш человек! С первого взгляда понравилась Вере, хоть и суровая внешне. А в душе мягкая. Вон как успокаивала, чаем с пирогами отпаивала, когда на душе паршиво было, хоть в петлю лезь. Хорошо, что окна зарешечены. Уж зачем эта мера понадобилась бабке не известно, но в любом случае оказалась как нельзя кстати.

– Верка! Да помоги же! Не видишь, не могу сдвинуть?! – просипел Макс.

Про него-то она и забыла. Только сейчас сообразила, что тот уже какое-то время пыхтит в углу, перед массивным комодом. Старинный рыжий шкаф на кривых ножках уже придвинут к двери. Такая же древняя кровать с панцирной сеткой и круглыми набалдашниками по краям спинки, тоже. Комод-то зачем? Хотя, удары перестали быть предупреждающими. Судя по грохоту, дверь намеревались выбить.

Вера встала из-за стола, вытерла злые слезы и решительно

направилась к комоду, представив, что это и есть враг, которого она сейчас сокрушит. Протиснувшись между ним и стеной, она уперлась руками в шершавую деревянную поверхность, ногой в стену и толкнула со всей дури. Раздался омерзительный скрежет, и комод резко выехал вперед, оставляя глубокие борозды на крашеном деревянном полу.

– С ума сошла?!

Макс сидел возле противоположной стены и потирал голову. Рядом валялся приличных размеров Николай Чудотворец в массивном, под золото, обрамлении.

– Прости. Не рассчитала. Жить будешь, – заключила Вера после беглого осмотра большой шишки на его голове. – Руку давай.

Если Макс и обиделся, то виду не подал. Да и некогда было. В дверь продолжали колотить, и крики не смолкали.

– Матушка, Вероника, открой, Христом Богом прошу. Открой, твою мать!

– Матушка?! – одновременно повторили Макс и Вера, уставившись друг на друга огромными глазами.

– Час от часу не легче! – пробормотала Вера. – Что дальше?

Макс дотолкал комод до двери и оглянулся. Остался только стол. Но по какой-то причине ножки его были надежно прикручены к полу.

– Все! Больше двигать нечего, – вздохнул Макс, сдувая брюнетистый локон с мокрого лица. – Слушай, а может то-

го... заговоришь их?

– Совсем крышу снесло? Каким это образом?

– Ну ты же вроде научилась...

– Макс, не смей мои тапочки! Это же придурь, не серьезно.

– Да? А это тогда что? – он указал на дверь. – Сон что ли? Или всеобщее помешательство?

– Не знаю.

Вера опустилась на стул, но тут же подскочила – в дверь так стукнули, что затрясся весь дом, и стекло в шкафу пошло мелкими трещинами. – Давай, попробуй, – настаивал Макс. – Вдруг получится.

Получится или нет, размышлять было некогда. Удары сыпались теперь один за другим. Дверь трещала, стекло в шкафу раскрошилось и высыпалось, а крики становились все громче. И матушкой ее уже больше не называли, все больше материли. Делать нечего. Стараясь не обращать внимания на шум, Вера остановилась перед баррикадой, вытянула руки в сторону двери ладонями вперед и закрыла глаза.

– Убирайтесь вон! Заклинаю! Все вон! Прочь с моего огорода, от дома, со двора. Забыть дорогу сюда. Повелеваю!

Повисла тишина. Вера открыла один глаз и посмотрела на Макса, который, казалось, даже дышать забыл. – Получилось? – шепотом спросила она.

– Вроде того...

И тут началось!

– А ну, хватай! И... раз! И... два! Веселей давай! Вышибай!

Дом трясся, грохот стоял невыносимый. Мебель уже отъехала от двери и во все стороны летели щепки.

– Быстро в подвал! – скомандовал Макс. – А смысл?

– Будем решать проблемы по мере их поступления.

Он схватил Веру за руку и потащил в другую комнату. Откинул выдавшую виды пыльную дорожку, пыхтя, отодрал крышку подпола и первый полез в темноту. Из дыры потянуло влагой и почему-то грибами. Страшно было туда спускаться, но делать нечего. Вера продолжала передвигаться на ощупь, когда услышала, как захлопнулся люк.

– Все. Я запер нас изнутри, – где-то рядом сказал Макс.

– Навеки вечные, – как эхо подхватила она.

Темень, сырость, страх и неизвестность. Не нащупав очередную ступеньку, она полетела вниз, прощаясь с жизнью. И последняя мысль мелькнула в ее пропащей голове – будь проклят тот день, когда она в это ввязалась.

Глава 1

Еще чуть-чуть поднапрячься, и она закончит эту чертову главу, над которой уже неделю бьется. Придумала же мир, где люди живут в темноте! Теперь вот описывай оптические особенности устройства их зрения. Хорошо хоть, что сюжет коротенький, от силы на повесть тянет. Над романом бы она точно умерла.

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент, когда мысль созрела в голове, а записана была только наполовину. От вмешательства извне, она сразу же испарилась, как незадачливый воришка, прихватив с собой остатки трудоспособности. Чертыхнувшись, Вера глянула на дисплей. Ну конечно! Кто же еще мог звонить в шесть утра, как ни Макс.

– Ты на часы смотрел? – без приветствия набросилась она на собеседника. – А если я сплю еще?

– Ты ж никогда в это время не спишь.

– Много ты знаешь! Что хотел-то? – немного смягчила тон.

– Разговор есть. Я подъеду?

Ох как не понравились ей интонации в его голосе. Если Макс не спит в такую рань, значит случилось что-то серьезное. Обычно по утрам до него не дозвониться. А тут... Видно даже не ложился.

С Максом они знакомы с институтской скамьи. Сдружи-

лись еще в колхозе, перед первым курсом. Он как-то сразу «прибился». Все мальчишки пили, да за девчонками уживались, а Максим Веснушкин книжки читал. На этом и сошлись – Вера тоже заглатывала все, где были буквы. Потом пять лет учебы, зачеты, экзамены, практика, диплом. Все дни проводили вместе, не считая каникул, когда она уезжала к бабушке в деревню, и свиданий. Последние были частым явлением в жизни Веры. Кавалеров она меняла, как перчатки, быстро находя в них недостатки и сбрасывая, как ненужный балласт.

После института жизнь слегка развела их, но самую малость. Оба теперь трудились: он остался преподавать на кафедре сейсмологии, а Вера изменила строительному образованию и устроилась внештатным журналистом в местную газету. Вот так она захотела. А главное, как-то сразу получилось – попробовала написать статью на заданную тему и с блеском прошла испытание. Но с этим делом у нее всегда было все в порядке – со школы любила сочинять.

В дверь позвонили через десять минут. Реанимировать память не хватило времени. И, как подсказывало чутье, с вдохновением на сегодня можно распрощаться.

Взлохмачен сильнее обычного, зафиксировало сознание Веры, пока впускала Макса в квартиру. А это значит, что усиленно о чем-то думал, зарываясь руками в волосы. И делал он так обычно, когда был сильно расстроен или взволнован. Уголки губ опущены, словно вот-вот заплачет, значит,

у них неприятности. Первой реакцией была велеть ему молчать или выставить вон. С таким трудом она вернула утраченное вдохновение. Две недели занималась его поисками – ходила на прогулки в живописные места, посещала выставки и художественные галереи, слушала Далиду и Ива Монтана. Наконец ухватила беглеца за хвост, но надолго ли. Достаточно было заглянуть в щенячьи глаза Макса, большие голубые, с плескавшейся на дне виной, чтобы обо всем догадаться.

– Говори! – велела Вера, когда он прошел за ней на кухню и забился в угол между холодильником и стеной.

– Ну, в общем... Я сегодня звонил в Веху. Там такая секретарь бестолковая – все искала кого-то, переключала меня. Бывают же такие. Как будто я первый раз звоню...

– Макс! – гаркнула Вера. – Хорош трепаться! Отклонили?

– Ну, в общем, да.

– Это конец!

Вера устало опустилась на стул. Ей вдруг стало так плохо, что даже затошнило. Не выдержала – побежала в ванную. Там ее вывернуло наизнанку. Слабость разлилась по телу. Она опустилась на кафельный пол и прижалась спиной к ледяной стене. Смотрела в одну точку, а в голове плескалась мысль «Конец всему!»

– Вера, открой! Слышишь?

В дверь тарабанили, как не сразу сообразила. Сколько же прошло времени?

– Открой, иначе вышибу дверь.

Губы скривились в улыбке. Кто вышибет? Макс? Стоило представить его худощавую, хоть и достаточно высокую, фигуру, как из груди вырвался истерический смех, а из глаз брызнули слезы. Не переставая хохотать, она заставила себя встать с пола и открыть дверь, больше переживая, что друг может покалечиться.

– Наконец-то! – выдохнул Макс.

Смех перешел в рыдания, а ноги отказывались держать. Макс подхватил ее на руки и отнес на диван. Она уткнулась в подушку, обильно орошая ее слезами. Как сквозь слой ваты до нее долетал голос друга:

– Вер! Перестань реветь! Хватит уже. Ты же сильная!

Кто сильная? Она? Да она бесхребетная, помешанная на бредовой идее, с проломленной головой от бесконечных попыток пробить железобетонную стену. Неудачница, которая подсела на призрачную идею, как наркоман на иглу. И теперь эта идея мешает ей жить, стала навязчивой, сводит с ума. А стоит только попытаться соскочить, как начинаются ломки, и надвигается депрессия. И нет конца и края этому состоянию, словно она ходит по кругу. Только вот слезы лить и правда бессмысленно. Помокрили и хватит. С истериками она умела справляться. И с этой расправилась быстро. Успокоилась, села на диване и вытерла мокрое лицо краем свитера. Немного мешала икота, но на нее Вера старалась не обращать внимания.

– Макс, я бездарь, нужно признать это, – посмотрела она

на преданного друга, ни грамма не заботясь о внешнем виде. Подумаешь, нос размером с огромную рыхлую картошку и глаза, как щелочки, и красные, как у быка. Ему не привыкать, а ей плевать.

– Не драматизируй. Ну отклонили рукопись, и что? Не конец света?

– Да?! А ничего, что мы ждали два года? Нормально, что все это время нас пичкали обещаниями? Ты только подумай – два года жизни и грандиозные планы! И все рухнуло в один момент.

– Ничего страшного. Обратимся в другие издательства.

– Какие, Макс? Какие?! – Вера захохотала, но вовремя оборвала себя, испугавшись новой истерики. – Какие еще остались издательства, куда бы ты не писал и не звонил? Все! Хватит! Надо признать поражение и попытаться жить дальше. Автор из меня никудышный. Слава богу, как журналист вроде состоялась. Буду писать свои статейки до старости.

– Что вот так и сдашься?

– Как так? По-твоему, я мало сделала? Вернее, пыталась сделать? Пойми ты, наконец, я не могу написать ничего, что было бы востребовано.

– Востребовано, говоришь? – Макс почесал затылок, а потом привычно запустил пятерню в черные волнистые волосы, отросшие до плеч. – А что если придумать совершенно нестандартный сюжет?

Куда уж более нестандартный? Вера подумала о романе,

над которым работала в данный момент. Мир, где не бывает света. Только ее больная фантазия способна на такое. А все попытки придумать что-то оригинальное. И из Вехи пришел отказ. Два года ожиданий и обещаний. А ведь туда она отправила свой лучший роман. Да и издательство это почти монополист, кучу мелких под себя подмяло. Больше обращаться некуда, как ни крути.

Вера так задумалась, что даже про Макса забыла. Вздрогнула, когда он вдруг воскликнул:

– Придумал! Напиши про то, как главный герой попадает в другой мир. Там понимает, что он вампир. Его кусает эльф, и он постепенно превращается в благородного и ушастого. При этом он узнает, что избран какими-то богами для чего-то великого. Теперь он должен закончить магическую школу, спасти принцессу и весь мир. Вот!

Вера поймала себя на том, что смотрит на Макса с открытым ртом. Он выглядел таким воодушевленным, взлохмаченным сильнее обычного. В глазах плескалась такая радость, как будто только что сорвал джек пот. На губах блуждала мечтательная улыбка. Он больше не мог сидеть – вскочил и принялся мерить шагами комнату, обдумывая очередную гениальную идею.

– А еще можно...

– Макс! – закричала Вера. Он резко остановился и повернулся к ней лицом. – Макс, ты в своем уме?! Какие эльфы, кусающие вампиров? Ты случаем не обкурился?

Бред какой-то! Вера закрыла лицо руками. Или она сошла с ума, или это у Макса не все в порядке с головой. А скорее всего, им обоим требуется помощь специалиста.

– Вот так всегда! Ты отвергаешь любые идеи! Стоит мне что-то придумать, как ты выставляешь меня придурком.

– Но так и есть. Тыфу ты, прости, не то хотела сказать, – спохватилась Вера, заметив, как вытянулось его лицо. – Просто, все твои идеи – они бредовые.

– Я хоть что-то придумываю. А ты готова опустить руки.

– Я больше не могу ломиться в эту стену. Сил не осталось.

Она смотрела на Макса, какой тот расстроенный, и жалела его. Не себя, а его. Все годы с того момента, как она решила написать свой первый роман, он терпеливо выполнял все ее капризы. Первый предложил взять на себя организационные вопросы, переговоры с издательствами. Освободил ее от всего, лишь бы творила. После работы несся к ней – делился планами и новостями. Идеальный литературный агент, как ни крути. Она даже не могла вспомнить, встречался ли он с девушками последние два года. А она когда последний раз ходила на свидание? Во что превратилась их жизнь? В сплошную череду ожиданий и призрачных надежд.

– Что ты предлагаешь? – остановился Макс напротив нее.

– Ни-че-го. Вернее, я предлагаю все закончить. Хватит с меня этого издательского дерьма и писательского бреда. Надоело!

– Получается, все зря?

Он прищурился, и ничего хорошего это не сулило. Те редкие моменты, когда он вел себя так, заканчивались ссорой. Тогда он пропадал на какое-то время, но правда первый и возвращался, как ни в чем не бывало.

Надо бы извиниться перед Максом за грубость, успокоить его как-нибудь. В конце концов не он же виноват в ее бездарности. Со своей стороны он делал все возможное и даже больше. Но на Веру навалилась страшная апатия. Ни предпринимать, ни говорить ничего не хотелось. Она улеглась на диван и уперлась взглядом в потолок. Вот так бы пролежать остаток жизни.

– Вер, – позвал Макс.

Она даже головы не повернула, лень.

– Ну и ладно. Как будто мне больше всех надо. Хочешь, складывай лапки. Я самоустраняюсь.

Он не хлопнул дверью, когда уходил. Не в его характере психовать или кричать. Он просто ушел, и Вера знала, что какое-то время не будет видеть его и слышать. Ну и хорошо. Пусть ее все оставят в покое. Не хочет она так больше жить. Вымоталась до предела. Так можно всю жизнь чего-то прождать и не жить вовсе. Ей же всего двадцать семь. Да в этом возрасте можно горы свернуть. А она заиклилась на писательстве. Подсела на него, как на наркотик. Неужели она больше ни на что не способна? Или удел всех журналистов мечтать стать писателями? Она когда-то, в детстве, мечтала стать певицей. Не убивалась же, когда ничего из этого не вы-

шло. В старших классах хотела выучиться на врача, но не потянула даже подготовительные курсы в МГУ, на которые поступила заочно. Тоже пережила. Так почему же неудачи с издательствами она воспринимает, как крах всей жизни? Что же это за зараза такая, что затягивает и не отпускает?

Вера решительно села. Резче, чем рассчитывала, голова закружилась, и она чуть не повалилась снова на диван. Довела себя до полного истощения! Ты когда ела в последний раз, подруга? Призадумалась... Кроме кофе вчера вечером и сегодня, как проснулась, кажется, у нее больше маковой росинки в рот не попало. Заставила себя пойти на кухню. В холодильникемышь повесилась – две занюханные помидорки, кусочек затвердевшего сыра и две палочки охотничьих колбасок. Негусто. Хлеба тоже две корочки, даже не три, как в «Буратино». Ну что ж, можно соорудить горячие бутерброды. Лучше, чем ничего.

Через десять минут она устраивалась перед телевизором с огромной дымящейся кружкой чая с лимоном и горячими бутербродами. От запахов разыгрался аппетит. А, откусив первый раз, Вера почувствовала, что возвращается к жизни. Вместе с этим вернулась и злость. Но такую реакцию на неудачи она считала нормальной. Злость – она ведь как двигатель всего живого. Злость заставляет действовать. И Вера уже чувствовала в себе ростки чего-то нового, только пока еще неясного. Мысли бурлили в голове, того и гляди выльются во что-то конкретное. Дожевывая последний бутерброд,

она старалась размышлять хладнокровно. Может ли она послать писательство лесом? Вот прямо сейчас перестать этим заниматься раз и навсегда? Вряд ли... Скорее всего, завтра ее, как магнитом, потянет к компьютеру. Она машинально включит его, проверит почту, заглянет на любимый сайт, пообщается с полчаса с народом, а потом откроет файл с романом. И опять начнет корпеть над словами и строками, которые будут отказываться складываться во что-то интересное и востребованное. Как сделать так, чтобы этого не случилось? Да очень просто! Нужно уйти на весь день из дома, устать и вернуться поздно вечером с единственным желанием завалиться спать. Одного дня мало. Нужно хотя бы с неделю сбегать из дома, чтобы притупилась зависимость. Как быть со статьями? Из десяти, которые она обязана сдавать каждый четверг, готовы только пять. Значит, сегодня она напишет остальные и с завтрашнего дня начнет жить по-новому. Осталось решить, чем занять себя целую неделю.

Внезапная мысль заставила ее перестать жевать и отложить в сторону недоеденный бутерброд. Мысль промелькнула, как озарение. Не может она так просто взять и бросить все, чем занималась несколько лет. Последнее слово должно остаться за ней. Вера вскочила и понеслась к компьютеру. Зашла в почту, нажала кнопку «написать письмо», выбрала нужный адрес и принялась набирать текст сообщения. Вся процедура не заняла и пяти минут. Ровно через столько она нажала на кнопку «отправить» и выключила компьютер. Вот

теперь можно успокоиться и заняться самовоспитанием.

Глава 2

К работе в газете Вера относилась серьезно, не путая ее с творчеством. Каждую пятницу она ездила в редакцию – получала темы для статей на следующую неделю и деньги за предыдущую. Платили за такой труд неплохо, на жизнь хватало. И времени свободного оставалось достаточно, что особенно устраивало. Родители, конечно, ворчали, что надо бы устроиться куда-нибудь официально, чтобы капал стаж.

– Я понимаю, ты молодая, – воспитывал ее папа, – но о пенсии нужно думать сейчас, а не потом, когда будет поздно. К тому времени нас уже не станет и позаботиться о тебе будет некому.

О пенсии Вера думать пыталась, только получалось это плохо. И мешало в основном то, что не верила она в саму систему. Скорее всего, к тому времени, как подойдет ее возраст, пенсии уже и в помине не будет. Издадут закон, что заботиться о стариках должны дети. Тем, у кого нет детей, назначат мизерное пособие или обяжут поселиться в доме для престарелых. Себя она представляла именно в этой категории. Не верила, что когда-нибудь у нее появится семья, такая же хорошая, в какой выросла сама.

Милые, любимые мама и папа. Как же ей повезло с ними! Такие родители редко кому достаются. Как они не хотели, чтобы она съезжала от них. Но бабуля уже была старень-

кая, одной в деревне жить стало тяжело. Родители перевезли ее к себе, а дом в деревне продали. На вырученные деньги, добавив необходимую сумму, купили квартиру. Хотели сдавать ее, но у Веры было свое видение. К тому времени она закончила институт и мечтала жить отдельно. Не то чтобы ее что-то не устраивало в совместном проживании с родителями, просто, настало время для самостоятельности, да и тесновато вчетвером пусть и в трехкомнатной квартире. Так у нее появилось собственное жилье – уютная однокомнатная квартирка в тихом районе.

Мама больше всего переживала, что дочь перестанет нормально питаться. Раз в неделю она навещалась к ней в гости, чтобы произвести ревизию в холодильнике и приготовить что-нибудь вкусненькое. Вера не сопротивлялась – видела, что ей нравится проявлять заботу. В такие дни, когда мама хлопотала на ее кухне, Вера с удовольствием чувствовала себя маленькой, словно детство еще не закончилось. Она знала наверняка, что родители мечтают о внуках, ждут, когда дочь познакомит их с избранником всей жизни. Они ничего не говорили, но временами она ловила на себе их тоскливые взгляды и понимала причину. Но даже ради них она не могла думать о замужестве. Не то чтобы ждала принца, просто не встретила еще такого мужчину, с кем хотела бы связать жизнь. Да и свободу она ценила, даже очень. И с каждым годом все сильнее.

Статьи писались легко. Как-то находились нужные слова,

выстраивались в стройные предложения, абзацы... Перечитывая написанное, Вера сама получала удовольствие. Да и в редакции на ее материал никогда не жаловались. На будущее можно поискать себе дополнительный заработок, в другой газете. Так и времени будет оставаться меньше свободного и прибыль опять же. Только устраиваться в штат она отказывалась категорически – не могла представить себе рабочий день с восьми до пяти, и так пять дней в неделю. И дело не в независимости. Отпугивала скорее режимность жизни в целом. Все-таки себя она относила к любителям хаоса. Она могла внезапно захотеть куда-нибудь сходить или съездить. А, имея сорока часовую рабочую неделю, такое себе уже не позволишь. Орел – гордая и свободная птица, смеясь, говорила Вера про саму себя. На что Макс всегда отвечал: «Да какой ты орел? Так, пичужка». Это потому что внешне она выглядела несолидно – невысокого роста, худая, с веснушками на лице. Одними волосами и наградила природа – густыми, соломенного цвета. Но и они ей больше мешали, чем радовали. Чаше она собирала их в хвост или закручивала в гульку. Правильно Макс говорит – пичужка она и есть.

К обеду со статьями было покончено. Вера пробежала их глазами, исправила опечатки и поняла, что жутко проголодалась. Аж руки зачесались – так захотелось приготовить что-нибудь вкусненькое. Погода за окном не радовала – февраль вступил в законные права, и разыгралась настоящая метель. С утра еще было тихо, а сейчас ветер завывал, небо заво-

локло свинцовыми тучами, снег сыпал безостановочно. Благо магазин прямо в доме, по улице нужно пройти не больше тридцати метров.

Через пятнадцать минут Вера уже вернулась домой с полным пакетом продуктов. А еще через десять она уже вовсю хлопотала на кухне, напевая любимую песню царевны Забавы из мультфильма «Летучий корабль»: «А я не хочу, не хочу по расчету, а я по любви, по любви хочу». Приготовить решила любимое жаркое из телятины. Когда мясо шкворчало в казане, Вера решила позвонить Максу и пригласить на праздничный ужин, а заодно и попросить прощения. Не любила она ссориться с верным и единственным другом. «Абонент временно не доступен или находится вне зоны действия сети», – сообщил механический голос. Через час, когда Вера запустила картошку и другие овощи, ситуация не изменилась – телефон Макса был по-прежнему отключен. Переборщила она в этот раз, слишком много правды наговорила, вот и обиделся всерьез. Ну и ладно, на обиженных воду возят. Она не будет портить себе настроение из-за пустяков.

Сегодняшний вечер Вера решила посвятить просмотру старого доброго кино. Достала любимый диск с фильмами, где Одри Хепберн исполняла главные роли. Выбирала между «Как украсть миллион» и «Завтрак у Тифани». Остановилась на последнем, потому что считала его самым романтическим из коллекции. Накрыла журнальный столик, зажгла свечу и плеснула вина в бокал. Удобно устроилась в крес-

ле с ногами, включила телевизор и решила, что все плохое пусть остается за окном, где бушует непогода. А у нее в сердце с сегодняшнего дня поселяется гармония и спокойствие. Она обязательно придумает, чем заниматься дальше. Не сошелся свет клином на писательстве. В крайнем случае, будет сочинять для себя любимой, а не для издательств, где к авторам относятся, как к массовке на съемочной площадке – держат для галочки и платят гроши, зарабатывая на популярных монстрах.

Посмотрев «Завтрак у Тифани», Вера решила и второму фильму отдать должное. К финальному хеппи энду время перевалило за полночь, бутылка вина опустела, глаза слипались, и впервые за долгое время Вера испытывала удовлетворение. Как же хорошо все-таки наблюдать за чужой жизнью, радоваться и переживать вместе с героями и совершенно не думать о своей. Ни тебе планов на завтра и стремления лечь спать пораньше, ни жесткого графика и творческих стеланий. Свобода, одним словом.

Перед тем, как отправляться в постель, Вера включила компьютер. Оставалось только одно, что портило настроение – ссора с Максом.

«Макс, прости, – писала она. – Ты же знаешь, какой я могу быть дурой. И язык у меня без костей. Не дуйся и возвращайся. Вместе придумаем, чем еще можно заняться».

Улыбнулась, когда в адресной строке высветилось «Максим Веснушкин». Ну какой же он Веснушкин? Звучит, как

издевательство или шутка природы. Жгучий брюнет с голубыми глазами. У него этих веснушек отродясь не бывает, даже в самое жаркое лето. А вот загар прилипает мгновенно, кожа сразу смуглой становится, как у цыгана, а глаза еще светлее, почти прозрачные. Хороший он все-таки, верный. А она ведет себя, как свинья. Не стоит удивляться, если Макс решит послать ее лесом. Он единственный верил в ее гения и делал все возможное, чтобы наладить связи с издательствами. Он бы и дальше этим занимался, если бы она не обрубил концы. Все хватит! Опять двадцать пять. Вера выключила компьютер и захлопнула крышку. А потом с чистой совестью отправилась в постель, решив не вставать завтра до обеда.

Обещание свое она выполнила – проснулась в десять и добросовестно кемарила до двенадцати. Когда валяться дольше не оставалось сил, Вера встала, сварила кофе, и вот тут начались ломки. К компьютеру тянуло со страшной силой. Кофе казался пресным, потому что пила она его не как обычно, глядя в монитор. Томик Марка Леви жег руки, а слова не откладывались в голове. Телевизор вообще вызывал сонливость и бесил со страшной силой. Вера чуть не запустила пультом в стену, устав переключать каналы. Ладно! Так тоже нельзя. Она только проверит почту и заглянет на любимый форум. Файл с романом даже открывать не будет. Или вообще удалит. Нет! Удалять пока нельзя, решила же, что если станет неумогу, будет писать для себя.

Вера ожидала увидеть письмо от Макса, но во входящих жирным выделялся ответ от другого адресата, того самого, кому написала она в сердцах – Веха. Редакция нон-фикшн. Стрелка мыши уже минут пять как была наведена на письмо, но Вера все трусила. Что они там написали? Зачем она вообще вчера отправила им послание?

Наконец она решилась и нажала на кнопку мыши.

«Уважаемая Вероника!

Нас заинтересовало ваше предложение. Высылаем авторский договор заказа. Ознакомьтесь, заполните, распечатайте в двух экземплярах и вышлите на указанный адрес.

С уважением,

Издательство Веха, главный редактор Самсонова В.А.»

Открыла вложенный файл. Вот оно! То, что так давно хотела получить, о чем грезилa. Пусть не совсем такой, но тоже договор с крупным издательством. Вера пробежала его глазами и остановилась на разделе «Цена договора и порядок расчетов». От стоимости работ у нее округлились глаза. Как начинающий автор, за роман она даже о десятой части суммы не мечтала. Взгляд скользнул вверх, к разделу «Предмет договора». «Автор-исполнитель обязуется создать и передать Заказчику произведение _____, именуемое в дальнейшем “произведение”, в срок до...» Вера прикинула в уме. Ровно два месяца. У нее есть два месяца, чтобы сделать это! Она отправила договор на печать. Нетерпеливо выхватыва-

вала листки из принтера. Вот она – новая жизнь! Нет больше Веры Смолькиной – горе писательницы. Есть Вероника Ветрова – потомственная целительница. И тут ей стало плохо. Какая целительница? Кто? Она, которую даже интуиция подводила с завидным постоянством? О чем она вообще думала, отправляя это письмо? «Пишет вам потомственная целительница в десятом поколении Вероника Ветрова. Моими предками и мной накоплен архив ценнейших рецептов по исцелению людей от всяческой напасти. Если вас заинтересует и за приличное вознаграждение, могу написать книгу, куда войдут самые лучшие рецепты нашей семьи». Явно на нее вчера что-то нашло. Решила позаигрывать с судьбой и ничего лучше не придумала, как магическое исцеление. А все журнал это виноват, «Магия и жизнь», который она периодически покупает, да почитывает. Иногда даже проверяет рецепты на практике. Правда еще ни один не помог, но веры это не подрывает. И она еще спрашивала Макса, не обкурился ли он? А каких грибов поела она, прежде чем решиться на такое?

Макс! Ей срочно нужно ему позвонить! Только он может разобраться во всем этом. Дрожащей рукой Вера схватила телефон. Гудки шли, а ответа не было. Максим, миленький, возьми трубку! Она снова и снова набирала его, пока не поняла, что ее игнорируют. Значит, на Макса надеяться не стоит. Решение ей предстоит принимать самой.

Как же она обожала свою избирательную память! Несущее

ственные подробности она выбрасывала, как залежалые вещи. Неинтересные моменты она слабо фиксировала и прятала до поры до времени. И в такие, как эта, минуты она из своих глубин выталкивала на поверхность нужные воспоминания. Вот и сейчас Вера вспомнила, что бабушка рассказывала о своей троюродной сестре, которая вроде как занимается знахарством. А это значит, что? Что нужно срочно бежать к бабушке за подробностями. Но сначала она заполнит договор, чтобы по пути завернуть на почту и отправить его в издательство.

Родительский дом встретил запахом пирогов. Как в детстве, когда она гостила у бабушки в деревне. Только сама бабушка тогда была гораздо крепче. Сдала она сильно за последние три года, усохла. Вера прижала к себе старческое тело, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы умиления. Тоскует, видать, по своей деревне. Держится, конечно, скрывает, но все равно заметно. Там у нее и хозяйство было и воздух, а тут что – стены и шумные улицы.

– Замерзла, поди? Раздевайся скорее. А я пирожки затеяла, как чувствовала, что придешь.

В кухне царила мука. На столе были разложены кругляшки теста. Рядом стояла миска с тушеной капустой. Возле плиты уже высилась горка пирожков. В духовке подрумянивался пирог.

– На вот пока с картошечкой, – бабуля поставила перед

Верой тарелку с пирожками. – Сейчас буду твои любимые лепить – с капустой и грибами. А пирог нынче решила сделать с рыбой.

Как же хорошо! В такие вот редкие минуты Вера жалела, что решила жить отдельно. Все-таки хорошо, когда о тебе заботятся. С другой стороны, в последние годы совместно-го проживания она все больше тяготилась родительской опекой. Да и правила никто не отменял. Суббота – день уборки, воскресенье – готовки. Засиживалась до ночи с книгой, обязательно заглянет папа и поворчит. И есть заставляли, как маленькую. Хотя, для них она, наверное, всегда будет ребенком. Нет, как ни крути, а отдельно жить лучше. А вот в гости нужно захаживать почаще на такие вот пирожки.

– Хочу успеть к приходу Люси с Колей с работы.

Родители Веры всю жизнь проработали на одном заводе. Обоим до пенсии осталось два года. Вот они и мечтали, как смогут все лето жить на даче, а не приезжать к бабушке по выходным. Дочка их понимала, но для себя желала другой жизни. Она мечтала увидеть мир, но пока даже за границей не была ни разу.

Когда с пирожками было покончено, и бабушка поставила последний противень в духовку, Вера решила перейти к делу:

– Бабуль, помнишь, давным-давно, ты мне рассказывала про свою троюродную сестру? Которая еще колдовством промышляла?

– Тоську что ли? Я разве рассказывала тебе?

– Ну да. А где она сейчас, не знаешь?

– Так мы ж с ней не общаемся. Да и раньше тоже... Разве что в детстве, пока родители не увезли ее из нашей деревни.

– Значит, ты не знаешь, где она живет?

В этот момент Вере поплохело. Письмо-то в издательство она уже отправила. Даже мысли не возникло, что бабушка может ничего не знать про свою сестру. Ей же теперь в любом случае как-то нужно выкручиваться.

– Точно не скажу. Но лет десять назад она прислала мне письмо. Там адрес есть...

– А можешь дать мне его? – обрадовалась Вера, когда уже готовилась к самому главному позору в жизни.

– Вспомнить бы еще, где оно?... Пойдем, поищем что ли? А тебе зачем? – спохватилась бабушка.

Вера так надеялась, что она не спросит об этом. Отговорку-то придумать не успела. Придется импровизировать, правду тут не расскажешь.

– Статью мне заказали в газете про знахарей, колдунов, экстрасенсов... В общем, тех, кто в нечисть верит. Вот я материал и собираю. Вспомнила про то, что ты рассказывала про сестру. Решила написать ей, задать несколько вопросов...

– Так безграмотная же она, – всплеснула руками бабуля. – Как же ж она тебе ответит?

– А тебе как написала?

– Так соседке надиктовывала.

– Тьфу ты, бабуль, запутала меня совсем, – рассмеялась Вера. – Мне даже чертовщина какая-то померещилась. Ну раз тебе надиктовала, то и мне надиктует, правда же?

А про себя подумала, что ей бы только добраться до старушки, а там уж она сама все будет записывать, запоминать, впитывать, как губка.

Искали они письмо в четыре руки. У бабули все было разложено по коробочкам, перевязанным атласными ленточками. Отдельная коробочка была с письмами деда. Он умер совсем молодым – попал под поезд на молодежной стройке. Они с бабулей и пожить-то вместе не успели. Она забеременела мамой, а дед подался на заработки. Вот так и общались письмами. Вера решила, что обязательно найдет время и почитает их письма. В них же целый кусочек жизни родного человека. И еще одного, которого она и не знала.

Письмо нашлось в семейном альбоме, когда они уже отчаялись его отыскать.

– Видно, Люся читала и сунула сюда, – оправдывалась бабуля, видя расстроенное лицо внучки.

На конверте значилось село Богатое Кировской области. Вера прикинула, опираясь на поверхностные знания географии, – далековато! Об этом-то она и не подумала, что троюродная бабка может жить у черта на куличиках. Но и эту проблему ей предстояло решить. По любому нужно ехать.

С бабушкой Вера пробыла еще не больше получаса. То-

ропилась уйти до прихода родителей. Уж они-то точно почувуют неладное и пристанут с расспросами. А она еще и сама не знает, в каком направлении будет двигаться дальше. И в любом случае, правды никому говорить нельзя. Вернее, она бы с радостью поделилась ею с Максом, но тот не хочет ее ни видеть, ни слышать. Так и придется действовать в одиночку, как партизану.

Глава 3

Первым делом от родителей Вера отправилась домой. Ей срочно нужен интернет, чтобы проложить маршрут до этого Богатого. Название-то какое! Наверное, там сплошь богачи живут. Воображение нарисовало сказочный уголок, застроенный теремами. Летом он, наверное, утопает в зелени, а сейчас деревья стоят в белом убранстве, вдоль дорог аккуратные сугробы блестят и переливаются на солнце. Терем бабушки Антонины должен быть самым красивым, все-таки она в том селе почетная целительница. Так Вера мечтала всю дорогу до дома. А еще она думала, что никуда не выезжала вот уже два года, и кратковременная смена обстановки ей пойдет на пользу.

Дома ее ждало разочарование – до Богатого никакой транспорт от них не ходил. На поезде можно добраться только до Кирова, а дальше узнавать на месте. Успокаивало, что расстояние от Кирова до Богатого сравнительно небольшое – двести километров. Как-нибудь доберется, а неудобства потерпит.

Время было четвертый час. Вера подумала, что тянуть с отъездом не стоит и поехала на вокзал. Какая удача! Поезд на Киров отправлялся в половине одиннадцатого. Успеет собрать вещи. Ехать чуть больше суток. Не очень удобно, что прибывает поезд в пять утра. Но не стоит расстраиваться за-

ранее. Скорее всего, автобусы начинают ходить часов в семь.

На сборы ушло совсем немного времени. Лишнего Вера решила не брать, да и долго гостить у бабушки не планировала – дней пять от силы. На дольше и денег не хватит – почти все уйдут на дорогу. В редакцию она позвонила и сообщила, что будет отсутствовать две недели. Несколько раз набирала Макса, но он по-прежнему не хотел с ней разговаривать. Перед тем, как упаковать ноутбук, она решила отправить ему письмо.

«Макс, очень жаль, что ты не хочешь меня видеть, когда так нужен твой совет. Я уезжаю на неделю. Появилось срочное дело, если тебе еще интересно. Надеюсь, к моему возвращению ты уже оттаешь, и мы снова сможем нормально общаться. Обнимаю».

Немного подумала и слово «обнимаю» стерла. Еще решит, что подлизывается. Какой же он все-таки упертый! И как на зло, он ей сейчас жизненно необходим. Нужна его поддержка, дружеское плечо. Неплохо, если бы он смог поехать с ней. Хотя, об этом Вера не рискнула бы просить. И так возится с ней, как мать с болезненным ребенком. Да и пора ему заняться личной жизнью. Как ни крути, а ссора ему пойдет на пользу, хоть и грустно становится от всего этого. Привыкла она к Максиму, к тому, что он все время рядом, занимается ее делами. Он единственный верил в нее, а она и тут его разочаровала – не состоялась, как писательница. Все! Хватит о грустном, когда впереди ее ждет увлекательное путешествие.

На вокзал она приехала за час до отправления поезда. Дурацкая привычка оставлять запас времени. Вечно кажется, что опоздает. Макс бы сейчас посмеялся и назвал ее неизлечимой перестраховщицей. Ну вот, опять о нем вспомнила. Все-таки плохо, что они поссорились. Как бы было хорошо, окажись он сейчас рядом. Сказал бы напутственное слово, велел бы вести себя аккуратно, не высовываться... Тоскливо бродить тут одной.

Вера вдруг сообразила, что даже родителям не сказала об отъезде. Вряд ли они, конечно, успеют ее хватиться, она ведь передала им через бабушку пламенный привет, но все же... Хорошо на вокзале имелся круглосуточный пункт приема платежей за мобильную связь. Вера подключила роуминг и тариф «все включено», чтобы можно было общаться подешевле. Доберется до Богатого, позвонит родителям и Максу, если он, конечно, перестанет дуться к тому времени.

Поезд подали за полчаса. Вагон был полупустой – верхние полки почти все свободные. Вера купила билет в плацкарт, в целях экономии. Приятно удивил опрятный вид проводницы и чистота в вагоне, а еще биотуалет. Такого она отродясь не видала. Правда, и на поезде последний раз путешествовала лет пять назад.

Соседнюю с ней полку заняла совсем молоденькая, лет девятнадцати, мама с грудным ребенком. Она сразу же застелила постель, уложила спящего младенца и легла сама рядом, оставив билет на столе. Через пять минут они уже оба

спали, невзирая на шум в вагоне.

На боковой нижней полке устроилась бабулька с огромным количеством вещей. Мужчина, что провожал ее, долго распихивал тюки под и на полки под неустанным руководством их хозяйки. Вера с улыбкой наблюдала за его хмурым лицом, как он из последних сил терпит. Когда последняя поклажа была пристроена, он сгреб в охапку бабулю, смачно расцеловал и с удовольствием удрал из вагона. До самого отправления поезда он стоял на перроне, а бабулька махала ему в окошко, вытирая глаза платочком и что-то тихо бормоча. Вера даже сама чуть не прослезилась, так стало жалко старушку.

Когда поезд тронулся, и проводница проверила билеты, Вера тоже расстелила постель. На вокзале она купила пару журналов «Люблю читать». Один журнал – один роман современного автора. Эдакий вариант художественной литературы, созданный специально для путешественников. Очень удачное и удобное изобретение, и всегда пользуется спросом. Начав читать роман, Вера загрустила, в который раз позавидовав удачливым авторам. Вот умеют же люди так начинать, что сразу же затягивает. У нее же начало вызывает вечную муку. Над первым предложением может думать целый день, и в итоге оно все равно получается неудачное, нецепляющее.

Роман захватил – зачиталась она далеко за полночь, пока глаза не начали слипаться и болеть от тусклого света. Засы-

пая, Вера подумала, куда она едет? Правильно ли она сделала, что решилась на это путешествие? Сейчас интуиция кричала дурным голосом, что все это хорошо не закончится. Не умнее ли было оставить письмо из издательства без ответа или вежливо отписаться отказом? И Макс, как назло, вычеркнул ее из своей жизни. Вера вдруг почувствовала себя такой несчастной, что на глаза навернулись слезы. Усилив воли она заставила себя успокоиться. Все это паника, которая срывается всегда перед неизвестностью. А она сильная, правильно Макс говорит. И с этим она тоже справится.

Весь следующий день Вера читала и ела. Молодая мама с малышом почти все время спали, с перерывами на кормежку. Суетливая бабуля пыталась вести с Верой беседы, но тоже успокоилась, когда заполучила один из журналов и увлеклась романом про любовь. Вот уж поистине любви все возрасты покорны. Вера наблюдала за ней и размышляла, о чем та думает, когда прочитывает романтические сцены? Представляет ли себя на месте главной героини? От своей бабули она частенько слышала, что стареет тело, а душа остается молодой. И у каждого свой возраст, в котором застывает душа. У бабушки это двадцать пять лет. А какой у старушки? Свой возраст Вера еще не осознала, наверное, к этому приходишь позднее. Была в этом какая-то несправедливость, дисбаланс. Внешняя дряхлость и внутренняя молодость, подпитанная мудростью прожитых лет. Хотя, если бы старилась и душа

тоже, наверное, пропадало бы желание жить.

Спать Вера легла пораньше, и к моменту прибытия поезда была бодрячком – готовая к новым свершениям. Тепло попрощалась с попутчиками и вышла из душного вагона на морозный воздух. В первый момент чуть не задохнулась, так показалось холодно. Да уж! То, что климат в Кирове может так отличаться от родной Самары, она не учла. Дома держалась настоящая февральская погода – ветры со снегом и температура не ниже десяти градусов. А тут свирепствуют какие-то крещенские морозы. Воздух аж потрескивает от стужи. Ледяной ветер проникает под одежду и лезет в душу. Не спасают ни пуховик ниже колена, ни теплые унты, модные в этом сезоне.

Вера натянула капюшон поглубже, замотала шею шарфом потуже и побежала к зданию вокзала, даже не подозревая, что там ее ожидает первый сюрприз. Электрички до Богатого не ходили. Кассирша посоветовала проехать на автовокзал и спросить там. На такси денег не было, пришлось мерзнуть на остановке, дожидаясь маршрутки, которые только начинали ходить.

На автовокзале ее ожидал второй сюрприз – доехать можно было только до села Богородское, а дальше на перекладных. Благо, от Богородского до Богатого километров шестьдесят. В крайнем случае, разорится на такси. Но и на Богородское автобус отправлялся только через три часа. В общем, все три часа Вера провела в здании вокзала: позавтра-

кала в местной забегаловке – «тошниловке», как называл Макс подобные заведения, поизучала ассортимент немногочисленных киосков, понаблюдала за сонными пассажирами и чуть не проспала автобус, от того что пригrelась возле батареи и заснула. Разбудил ее голос из селектора, объявивший об отправлении автобуса. Едва успела – заскакивала в закрывающиеся двери.

Станция в Богородском представляла из себя обшарпанную остановку на площади перед рынком. Вера и в автобусе-то не успела как следует согреться, а едва вышла, как замерзла, как цуцик. Пока она соображала, что делать дальше, все три с половиной пассажира, что ехали вместе с ней, успели разойтись. Она так продрогла, что боялась не дойти до рынка, где уже пробуждалась вялая торговля. На площади, кроме мужика возле саней, с впряженной лошастью, никого не было. К нему-то Вера и решила обратиться, еле передвигая замерзшие ноги и пряча руки в рукава пуховика.

– Извините, не подскажите, как добраться до Богатого? Ходит ли туда автобус или такси?

– Не ходит, – буркнул мужчина, бросив на нее косой взгляд и не переставая заниматься своими делами – что-то складывать в санях.

Вера заметила, что он довольно молодой, только не по возрасту суровый. Когда поняла, что мужчина и не собирается продолжать с ней беседу, обошла его, заглянула в лицо, стараясь выглядеть дружелюбной и снова спросила:

– Как же мне туда добраться?

От холода уже челюсти сводило и глаза слезились на морозном солнце, когда она смотрела на него снизу вверх. Вере казалось, что она перестает соображать, и ноги отказывались держать. Хорошо ему – в тулупе, валенках, шапке-ушанке и толстенных рукавицах. Пыхтит себе, в ус не дует и на нее не обращает внимания. Околей она сейчас тут перед ним и свались замертво, наверное, не заметит.

– Сейчас поедem... Забирайтесь в сани!

Вера даже не сразу сообразила, что обращаются с ней.

– Это вы мне?

– А вы еще кого-то видите?

Посмотрел, как на дуру. Хотя, она и вправду не чувствовала себя адекватной – соображала с трудом, а двигаться вообще не могла. Мужчина окинул ее взглядом, а потом без слов обхватил за талию и забросил в сани на заранее приготовленное место – углубление в куче мешков.

– Руки протяните.

Даже это движение далось с трудом, а пальцев в перчатках она вообще не чувствовала.

Мужчина достал откуда-то толстые вязаные рукавицы и надел ей на руки. Потом закутал в чудом реализовавшееся одеяло с головой, подоткнув со всех сторон.

– Ехать будем долго, терпите. Дороги плохие.

Открытым у Веры осталась только часть лица, там где глаза. Поэтому она молча кивнула, приваливаясь к бортику са-

ней и чувствуя, как начинает согреваться. От тепла тело наливалось дремой. С трудом удерживая веки, которые все норовили опуститься, Вера наблюдала, как мужчина завязывает уши шапки под подбородком, обматывает шею шарфом и забирается на облучок. Поймала себя на мысли, что на него приятно смотреть, следить за его движениями.

Сани плавно заскользили по утрамбованному снегу. Вера слышала, как цокают лошадиные копыта и думала, что попала в сказку, таким нереальным ей все казалось. Впервые, с того момента, как покинула поезд, она чувствовала себя почти счастливой.

Проснулась она от резкого толчка. Не сразу сообразила, где находится. Кругом простирались голые заснеженные поля, ветер гнал по ним поземку. А ей было тепло и уютно. Она привалилась к чему-то мягкому, свернувшись калачиком. Вылезать не хотелось, но нужно проверить, почему остановились.

– Сейчас поедem, – успокоил мужчина. – Лошадь увязла. Снегу намело...

Он так смешно говорил на «о». Такой типичный деревенский увалень. Вера чуть не прыснула – тоже мне городская фифа нашлась. Видел бы сейчас ее кто-нибудь из знакомых – кулек с глазами. Уж Макс бы точно еще долго придумывал ей эпитеты, пока бы снова не поругались. И зачем она только вспомнила про него? Снова взгрустнулось. Как бы она хоте-

ла, чтобы он сейчас был рядом. Он бы обязательно что-нибудь придумал, и они бы не мерзли, как она сегодня. Да и кто так отправляется в путешествие по неизвестному маршруту? Макс бы сначала выяснил все, составил план, а уж потом бы решился ехать. С другой стороны, он, скорее всего, принялся бы отговаривать ее от поездки, а такого она себе позволить не могла. Это бабуле можно наплести с три короба, что собирается написать письмо ее сестре. А на самом деле времени в обрез и даже думать долго некогда.

Мужчина с силой потащил лошадь за уздцы. Сани дернулись и заскользили. Какое-то время он шел рядом с лошадью, помогая той преодолевать снежные завалы, а потом снова забрался на облучок. Ехали они очень медленно, ноги бедного животного постоянно проваливались в снег. Несколько раз останавливались, и снова незнакомец помогал труженице выбираться из ямок. Что Веру приятно поразило, так это то, что ни разу за все время мужчина не вышел из себя, не стегнул лошадь и не повысил на нее голос. Напротив, он разговаривал с ней, как с человеком, просил потерпеть. Она же смешно фыркала и прядала ушами из стороны в сторону.

Около двух часов в общей сложности они преодолевали довольно небольшое расстояние. Наконец показали первые крыши домов. Вера уже начала сомневаться, что этот край обитаем. Ей даже заподозрилось, что незнакомец везет ее куда-то не туда. Сомнения зарождали страх, который так и не успел оформиться во что-то конкретное.

– В Богатое к кому? – прокричал мужчина, полу повернув к ней голову. – У меня там бабка живет, целительница Антонина. Знаете такую? – не менее громко ответила она, чтобы перекрыть ветер.

Какое-то время он сохранял молчание, а потом притормозил и повернулся к ней лицом. После минутного осмотра, произнес, нахмутив брови:

– Зачем к ней едешь?

– Как зачем? – Вера даже опешила. Вот уж не ожидала такого вопроса. – Навестить, конечно. Давно не видела.

Не станет же она рассказывать ему правду, да и не его это дело.

– Такая же? – еще сильнее нахмурился он.

– Какая?

Вопросы становились все более странными. Вера уже стала сомневаться в его нормальности.

– Вроде не похожа, – кивнул тот самому себе и снова дернул за поводья.

Какая, такая? Целительница что ли? Скажет тоже! Да и в то, что Антонина – колдунья, Вера не верила. Скорее всего шарлатанка, у которой изредка что-то да выходит.

То ли от сознания, что ехать уже осталось не долго, то ли окончательно согревшись, Вера решила, что можно немного раскрыться. Стоило только сесть нормально в санях, как ее взору открылась странная картина. Через секунду она поняла, что путь им преградило погребальное шествие. Четыре

мужика несли черный гроб на плечах, а за ними шла колонна из людей. Кто несли свечи, кто венки... И все плакали.

– Приехали, – сказал мужчина, кивнув на процессию.

– В каком смысле?

Странный какой-то он все-таки. Сейчас пропустят колонну и можно двигаться дальше. Или он суеверный до нельзя и встретить похороны считает к неудаче? Так предрассудки все это. Только Вера собралась ответить, как он снова заговорил:

– Слезай, говорю, приехала ты.

– Да в смысле?! – возмутилась Вера. Это уже ни в какие ворота не лезло.

– Видишь гроб? Бабка в нем твоя. Померла третьего дня. Хоть в последний путь проводишь грешную. Слезай. А мне дальше ехать нужно.

То ли приказной тон подействовал, то ли опешила она до такой степени, только Вера моментально высвободилась из одеяла и спрыгнула с саней. Вслед полетела ее сумка. Хорошо хоть ноутбук она держала в руках, а иначе и его бы скинул. Дикарь! Вера смотрела на удаляющиеся сани и мощную спину незнакомца. Одна мысль билась в мозгу, что теперь точно все кончено.

Глава 4

От нереальности происходящего она даже не мерзла. Стояла на обочине и во все глаза смотрела на похоронную процессию. Словно кто гипнотизировал ее, монотонно раскачивая маятник. Люди брели медленно, увязая в снегу. Мужики выглядели излишне суровыми, а женщины прижимали платочки к глазам и хлюпали носами.

Не может быть, чтобы бабка Антонина умерла, – крутилась в голове мысль. Это шутка, розыгрыш, в гробу не она, а кто-то другой. В какой-то момент Вере даже показалось, что она участвует в плохо поставленном представлении, играет эпизодическую роль зрителя. Сейчас опустится занавес, и раздадутся вялые аплодисменты. Конечно, какие могут быть овации при столь бездарном исполнении?

Но колонна ползла дальше. Уже хвост ее поравнялся с Верой. От процессии отделилась женщина и направилась в ее сторону. Все это Вера зафиксировала машинально, все еще находясь в состоянии прострации.

– Деточка, ты чего тут?.. – обратилась к ней женщина, глядя добрыми и подслеповатыми глазами.

– Что?

Вера никак не могла вникнуть в смысл слов. Женщина ей что-то сказала. Нет, она у нее спросила что-то. Только вот что?– Я говорю, чего застыла, как соляной столб? Око-

леешь же на таком морозе. Оцепенение спало, наконец-то. Мозг опалило сознание, что все происходит на самом деле.

– Скажите, а правда, что это Антонину хоронят? – кивнула Вера на гроб.

– А то ж, – всхлипнула женщина. – Ее, родимую... – сле- за покати-лась из глаза, и она стерла ее платком. – А ты кто будешь?

– Я?.. Да вроде как внучка ее... троюродная.

– А батюшки! – всплеснула женщина руками. – Горе-то какое! Не застала ее живой. А мы-то думали, одна она на этом свете, как перст...

Вера и сама готова была разрыдаться. И больше от стыда, нежели от горя. Стоит тут и жалеет о крахе надежд, тогда как умер человек, который приходился ей родственником. И если бы она не приехала сюда, то вряд ли бы родня Антонины узнала когда-нибудь о ее кончине. Предполагали бы, конечно, но, скорее всего, даже не вспомнили бы о ней.

– Чего же мы стоим? А ну, пойдем! – женщина схватила ее за руку и потянула за собой. – Хоть в последний путь проводишь грешную душу, – сказала она, прям как незнакомец несколько минут назад.

Вера дала себя увести, чувствуя, как ноги не слушаются, и тело одеревенело от стужи. Хорошо хоть голова прояснилась, и она могла думать. А мысли ее были ох какие безрадостные. И на первом месте стоял вопрос – что делать дальше? Обратный билет она купила на пятницу. И поменять

вряд ли получится. В любом случае, рисковать не стоит. Кроме того, предстоит решить проблему, как выбираться из этой глухомани. Но об этом она подумает потом, раз уж вынуждена зависнуть здесь на пять дней. Можно постараться провести это время с пользой для дела – повыспрашивать у местных жителей про бабушку Антонину. Запишет воспоминания, кого, от чего и как та лечила.

Только тут Вера обратила внимания на окрестности и поняла, что действительность разительно отличается от романтической картинки сказочной деревеньки, что рисовало ее воображение. Дома вдоль дороги тянулись старые престарелые, по большей части деревянные, покосившиеся. Кругом царила заброшенность и режущая глаза беднота. Правильно она обозвала деревню глухоманью. Ни разу в жизни Вера еще не была в таком богом забытом месте.

На душе заскребли кошки, и на глаза снова навернулись слезы, на этот раз жалости к себе несчастной. – Не плачь, деточка, – неверно истолковала ее слезы добрая женщина. – Матушка Антонина прожила долгую жизнь, хоть и нелегкую, – горестно вздохнула она, утирая глаза. – Огромный крест несла она на своих плечах – наш общий.

Вера не стала уточнять, что та имеет в виду. Отчего-то стало страшно от ее слов. Да и они уже свернули на кладбище. Причитания стали громче, некоторые женщины принялись подвывать. Вере вновь почудилось, что принимает участие в трагикомедии, поставленной бесталанным режиссе-

ром.

Церемония прощания прошла быстро. Гроб уже был заколочен, яма подготовлена. Как в тумане Вера слышала глухой звук, когда гроб опустили в могилу. На автопилоте отковыряла горсть мерзлой земли, когда подошла ее очередь, и бросила в яму. Мужики быстро закидали могилу, сформировав небольшой холмик и воткнув в него крест.

– Пошли, деточка. Совсем замерзла, поди. Еще разболеешься, – дотронулась до ее руки все та же добрая женщина, когда народ потянулся с кладбища. – Потерпи чуть-чуть. Сейчас придем, чаем тебя отпою. Согреешься. К тому моменту, когда подходили к дому бабы Маши – новой знакомой, Вера уже не чувствовала не то что рук, ног, – тела от холода. Ей даже казалось, что мороз проник внутрь и сковывает в данный момент ее душу.

В доме было натоплено и пахло пирогами. Как у бабушки, мелькнула мысль. Тепло быстро разлилось по телу. Если бы не кололо конечности, Вера бы чувствовала себя отлично, сидя на стареньком диване и укрытая толстым пледом ручной работы.

– Решили не поминать матушку всем селом. Каждый у себя дома поднимет по стопочке за упокой ее души. Великая была женщина, уважали ее у нас, любили, чего уж там, – снова всхлипнула она, накрывая на стол, – хоть и болела она последние два года, почти не принимала. А полгода так вообще плохая была, все чаще бредила. Мы у нее даже дежурство

установили. Правда, боялись многие...

– А чего боялись-то? – не удержалась Вера от любопытства. Хотелось прямо сейчас узнать как можно больше о своей дальней родственнице.

– Да, как тебе сказать?.. – баба Маша призадумалась. – Вроде и нечего бояться... Да суеверные же все. Бабка твоя, упокой господь ее душу, – перекрестилась она, глядя на икону, – странная была. В здравом-то уме опасалась предсказывать людям беды, хоть и чуяла их, как уж я потом смекнула. А как впала в беспамятство, началось... Откроет бывало глаза, посмотрит на тебя ничего не видящим взглядом и проговорит страшно так: «Корова у тебя, Федор, сдохнет этой ночью!» Хоть стой, хоть падай, – она снова перекрестилась. – А люди, что? Понимают, что не может быть в жизни все ладно, но и знать заранее о своих бедах не охочи. Вот и боялись... Да и дом у нее странный – такой же, как она сама.

Вера уже окончательно согрелась, и баба Маша усадила ее за стол. Налила огромную чашку чая, придвинула пироги и велела есть и пить досыта, поминая родственницу добрым словом. В какие добрые слова она могла подобрать? Разве что придумать – не знала ведь совершенно свою бабуку, даже по рассказам. Могла слепить образ только из тех нескольких слов, что слышала от новой знакомой. Только образ получался какой-то не добрый.

– А вы одна живете? – решила проявить Вера вежливое любопытство, хоть и не очень хотелось сейчас разговаривать.

– А с кем же? Муж умер, годков десять уже как. А дети еще раньше разъехались. У нас тут по большей части одни старики да остались. И те из молодых, кому ехать некуда.

Глухомань глухоманистая. Куда же тебя занесло, Вера Николаевна? И как ты тут выдержишь целых пять дней? Выхода нет – придется погружаться в работу с головой. Да и деваться тебе некуда, раз подписалась сдать книгу через два месяца. И начать расспросы она решила прямо сейчас.

– Баб Маш, а вас моя бабушка лечила?

– А то ж! Конечно, лечила. Ревматизм меня замучил, собака. Еще молодая была, начал скручивать. Так твоя бабка знаешь, как жизнь мне облегчала? Придешь к ней, пошепчет она что-то над моими руками и ногами, даст микстуры с собой и пару месяцев я как новенькая. Потом даже совсем выздоравливать стала. А сейчас вот все по новой. Видишь? – она протянула руки, показывая Вере скрученные и утолщенные в суставах пальцы. – Порой так болит, мочи терпеть нет. Ничего тогда делать не могу.

– А что шептала, не помните?

– Нет, что ты? Да и не разобрать было... Она знаешь, как низко склонялась, едва губами не касаясь больного места. И говорила, говорила... много так. А ты что, тоже умеешь врачевать? – с подозрением посмотрела она на Веру.

– Что вы! Нет конечно! – засмеялась она, а в душе шевельнулся безотчетный страх.

– Нет? А то я уж подумала... – с явным разочарованием

в голосе протянула баба Маша.

Почему-то Вере резко расхотелось расспрашивать ее дальше. Появилось неприятное ощущение, что ее в чем-то подозревают.

– Загостилась я у вас, – слегка потянулась она, разминая затекшее тело. – Спасибо за угощение! Не проводите меня в дом бабы Антонины?

– А ты там что ли поселиться собралась?

Показалось Вере, или в голосе бабы Маши прозвучал страх? Не станет она никого слушать и ничего бояться! Нужно же ей все как следует изучить, записать... А времени на все про все не так уж и много.

– А что нельзя? Есть наследники на ее имущество?

– Да какие наследники! Мы ж думали, что у нее и родственников нет. Просто... не страшно тебе в доме, где покойница три дня лежала? Да и вообще...

Что она имела в виду под «вообще», Вера уточнять не стала, а про покойников у нее была собственная теория. Бабуля с детства приучила, что мертвых бояться не нужно, живые страшнее. Да и, судя по рассказам, плохого при жизни баба Антонина не творила. Так зачем ей после смерти свирепствовать?

– Нет. Не боюсь. Отдам таким образом последний долг ей.

– Ну смотри... А то ж мы дом-то решили заколотить, мало ли что.

Опять недоговорки и этот странный тон! Вера ситуация

уже начинала выводить из себя. Да и устала она. В сон клонило со страшной силой. Все-таки встала рано, да путь проделала нешуточный.

Как оказалось, баба Маша совсем недалеко жила от дома Антонины – через пару участков. И сам дом приятно порадовал Веру – на фоне деревянных развалюх каменное строение выглядело добротно и надежно. Только огород был заброшен, сразу бросалось в глаза, и изгородь обрушилась в нескольких местах. Но это не беда – вряд ли Вере грозило посягательство со стороны односельчан покойной целительницы или диких зверей. Хотя, в последнем уверенность поколебалась – рядом начинался густой лес.

– Печь растопить сможешь, дрова колоть умеешь? – спросила баба Маша, когда они вошли в калитку.

– Думаю, справлюсь, если покажете, как пользоваться печью.

– Показать-то покажу, – с сомнением протянула новая знакомая. – Только, городская ты какая-то до мозга костей. В деревне-то жила хоть когда-нибудь?

– В детстве ездила к бабушке каждый год, на все лето.

– Ну хоть так... И еще, удобства во дворе – вон там, – показала она на деревянную постройку вдалеке от дома.

А вот это уже проблема. Все-таки зима. Ну ничего, что-нибудь придумает. Пять дней как-нибудь протянет.

– Тут есть немного дров, – баба Маша показала на небольшую кучку поленьев возле крыльца. – Ключ один, а посему

не потеряй.

Она достала большой флажковый ключ из шубы. Вера таких уже лет десять не встречала. Как же тут все запущено! Электричество хоть есть?

– Выключатель вот, – словно прочитав ее мысли, сказала баба Маша, щелкнув чем-то справа.

Сумерки развеял тусклый свет. Вера посмотрела вверх – абажур на лампочке висел косо и был непонятно какого цвета.

– А что ты хочешь, деточка, – правильно поняла ее реакцию баба Маша, – убирались здесь давненько в последний раз. Антонина-то совсем немощная была, а мы... ну что мы. Отдежурим, да восвояси. Я изредка еще смахну пыль, да влажной тряпкой пройду по полу, а другие и этого не делали. Ну в общем, девка ты молодая, порядок наведешь. Иль в грязи жить хочется?

Вера слушала ее в пол уха, а сама разглядывала обстановку. Никакой прихожей не было, входная дверь вела прямо в большую комнату, в которой, по всей видимости, Антонина и принимала посетителей. Догадаться не сложно – все стены увешаны иконами разного размера, а на столе в замусоленном подсвечнике толстая церковная свеча, изрядно оплывшая. Рядом стакан с водой, накрытый куском хлеба и портрет. Вера подошла ближе и вгляделась в лицо на фотографии. На нее смотрела женщина с поразительно живыми и умными глазами на морщинистом лице. Широкий волевой

лоб прорезали глубокие борозды. Волосы перевязаны платком. Губы плотно сжаты.

– Снимок сделали на свадьбе моего сына, – вновь заговорила баба Маша. – И не скажешь, что веселилась она тогда, правда? – усмехнулась она. – Суровая была твоя бабка, но добрая в душе и очень справедливая.

Вера промолчала, а про себя подумала, что лицо Антонины ей понравилось. Было в нем что-то особенное, наверное, мудрость.

– Ладно, неси дрова, покажу, как печь топить. Уж и сама вымерзла тут. Да пора мне – дел полно, а уж давно перевалило за полдень. Разберешься тут. Воды натаскаешь из колодца.

Что правда, то правда, в доме было холодно, почти как на улице, разве что без ветра. Интересно, долго ли он будет прогреваться?

Баба Вера выгребла золу из печи и положила туда свежие поленья. Подожгла их и закрыла дверцу. Система несложная.

– Растапливай при надобности. Чувствуешь, дом остывает, разжигай печь. Но не перетапливай. Дров дня на два хватит. Не сдюжишь наколоть, зови, подмогну. Готовить знаешь как?

Откуда? Вера и печь-то видела впервые «живьем», у бабули в деревне было газовое отопление.

– Эх, молодежь, ничему не обучены, – проворчала баба Маша. – Берешь кочергу, вот она. Разгребаешь угли, как

огонь погаснет, и ставишь в ямку чугунок. Поняла?

Понять-то поняла, но почему-то готовить в печи Вере совершенно не хотелось. Это уже чересчур. Неужели тут как-нибудь иначе нельзя решить проблему с питанием?

— А магазин у вас есть? — на всякий случай уточнила она. А то, может, и этого не имеется.

— А то ж! Чать не дикари, и до нас цивилизация добралась. От тебя недалече. Из калитки пойдешь направо до поворота, там увидишь. Чуть не забыла... Спать ложись на печи, так теплее.

— Баб Маш, еще вопрос. А как у вас тут с интернетом дела обстоят?

— Это что еще за зверь такой? — вытаращила та глаза. — Что-то новомодное, поди? Не знаю такого... Ты у Никитки спроси, соседа своего. Он молодой, года два, как с города приехал. Авось знает.

Конечно, пять дней она и без интернета потерпит. Но непривычно как-то. Да и почту надо проверить, вдруг Макс соизволил ответить. Хотя, теперь уже она на него обиделась. Подумаешь, нагрубила. Так и он тоже слушать не умеет, вбил себе в голову невесть что. Да еще и с телефоном что-то — попыталась позвонить родителям, сообщить, что с ней все хорошо, а получила ответ механическим голосом: «Данная услуга не поддерживается сервисом». Хоть ты тресни, ни по одному из номеров так и не пробила. То ли девчушка на вокзале что-то напортачила, подключая услугу «Все вклю-

чено», то ли она недоходчиво объяснила. Только, похоже, о телефоне на несколько дней можно забыть.

Проводив бабу Машу, Вера какое-то время топталась посреди комнаты, взвешивая свое состояние. Страшно ей или нет? Пожалуй, что нет. Неуютно, как бывает обычно в чужом месте, но точно не страшно. И это хороший признак.

Заметив дверь, она решила проверить что там. За дверью оказалась еще комната, намного меньше первой, больше похожая на чуланчик. Из мебели в ней было только два больших сундука, набитых всякой всячиной. Больше всего было мешочков с сушеной зеленью. Видать, баба Антонина была знатной травницей. Вера понюхала несколько и обнаружила мяту. Отлично! На ночь заварит чаю с этой душистой травой, для лучшего сна.

Чуть не заплясала от радости, когда в другом сундуке нашла самый настоящий электрический чайник. А она-то уже разработала целую теорию, как будет кипятить воду в котелке. Хвала тебе цивилизация! Знаешь, как полить бальзамом израненную душу.

Тут же нашла пачку индийского чая. То ли при бабе Антонине из этой комнаты сделали что-то типа кладовой, куда снесли всю утварь, то ли соседи постарались, когда бабушка заболела. Только теперь она знала, где искать, если что-то понадобится.

Следующие два часа Вера занималась уборкой в доме. Натаскала воды из колодца во дворе. Разбавляла ее кипятком

из чайника и мыла, мыла... Устала, как никогда, зато дом засверкал чистотой. Хоть согрелась. Правда и печь отлично справлялась с работой – дом протопился до такой степени, что можно было спокойно раздеться.

Уставшая, но довольная Вера водрузила ноутбук на стол и с улыбкой прислушалась к знакомому урчанию. Конечно, никаких беспроводных сетей компьютер не обнаружил. Но на такую роскошь она и не рассчитывала. Ей бы найти хоть какой-нибудь замухрынистый интернет – только ответить на письма, да проверить, нет ли чего важного для нее. Из издательства, например. Сама же посмеялась над собой – стоит только получить положительный ответ, как хочется все больше и больше. Нужна ты издательствам, лжецелительница! Но наведаться к пресловутому Никите – соседу все же решила, хоть на улице уже и почти стемнело.

Еще в доме Вера слышала приглушенные удары, а выйдя во двор, увидела и источник звука. Каково же было удивление, когда в колющем дрова мужике она узнала своего недавнего знакомого, того, что подвозил ее из Богородского. Значит, это и есть Никита – приезжий из города?

Глава 5

Вера не торопилась обнаруживать себя – притаилась на крылечке и наблюдала за колющим дрова Никитой. Как у него все ловко получается, столько прирожденной грации в движениях. Никогда не думала, что физический труд постороннего человека может быть таким красивым, а главное,

увлекательным зрелищем. До чего же ладно скроен! Высокий, мускулистый. Вон как бицепсы играют, когда ставит плечо на чурбан. А уж как руки занесет для удара, так и вовсе живот сводит от истома. И не мерзнет же в одной футболке. Красавчик!

Через несколько минут Вера сообразила, что стоит, плянется на Никиту и глупо улыбается. Вдруг кто увидит, вот смеху-то будет. Да и темнело стремительно, а дела на сегодня она не все переделала. Подошла к забору, громко кашлянула. Реакции не последовало. Никита даже бровью не повел, ни то что посмотреть в ее сторону.

– Добрый вечер! – прокричала она и сама испугалась, как громко получилось.

– Добрый! – отозвался он, по-прежнему не глядя на нее.

– Ловко вы дрова колите, – решила начать Вера с отвлеченной темы.

Реплика повисла в воздухе. Ответа не дождалась и через минуту. Это уже ни в какие рамки не вписывалось. Вежливость-то никто не отменял. А он ведет себя так, как будто ее тут и нет.

– Вы не можете мне? – спросила она уже более деловым тоном, с нотками суровости в голосе.

– Чем именно?

– Нет ли у вас интернета?

– Мне он без надобности.

– А где можно найти, не подскажете?

– А я похож на справочное бюро?

Да что ж это такое! Что он себе позволяет! Слова цедит, как через десять слоев марли. И вид такой, словно перед ним колорадский жук. Вера подбоченилась и решила дать наглечу отпор так, как она умела, не выбирая выражений. Но не успела, Никита вновь заговорил:

– Васька Самоделкин тебе нужен. Наверняка уже что-нибудь придумал в этом роде. А больше ты ни у кого в деревне не найдешь интернета.

Самое интересное, что во время всего разговора, если можно так назвать их редкие реплики, особенно с его стороны, Никита не переставал колоть дрова, не глядя на Веру. Так изредка бросит косой взгляд, такой быстрый, что даже поймать невозможно, и опять давай стучать топором. Уже целая гора возле него выросла.— А где найти этого Самоделкина?

– Магазин знаешь где? И дом его там же. Сама поймешь.

– В смысле?

– В смысле, не ошибешься. Только, сегодня уже не ходи. Он по вечерам никого не впускает. С придурью маленько он.

И все. На этом их диалог закончился. Никита с силой вогнал топор в чурбан, повернулся к ней спиной и принялся складывать наколотые поленья в штабеля. Вера еще потопталась возле забора, да побрела домой. Настроение испортилось, словно с кем-то поссорилась. Хотя, чего можно ожидать от человека, который выкинул ее из саней посреди до-

роги, на лютом морозе, без лишних слов?

Предстояло как-то скоротать вечер. Хорошо, баба Маша дала пирогов с собой, потому что от новых впечатлений и физического труда аппетит разыгрался нешуточный. Вера заварила чай с мятой, наполнила самую большую чашку, что смогла найти, и уселась перед компьютером. Непреодолимо потянуло открыть файл с романом. А когда открыла, начала перечитывать и увлеклась. В какой-то момент поймала себя на мысли, что не верит, будто все это написала она. Руки сами легли на клавиатуру, а пальцы застучали по клавишам. Опомнилась уже, когда глаза начали слипаться, и обнаружила, что легко выполнила обычную дневную норму, на которую раньше уходило не меньше семи часов.

В старинном шкафу Вера обнаружила сравнительно чистое, правда залежалое, постельное белье. Перина на печи показалась ей довольно свежей, как и пуховое одеяло. Перед тем, как лезть наверх, проверила, догорели ли дрова, перевернула угли для верности и забралась в постель. Угли уютно потрескивали, душа пела от творческой удовлетворенности. Вера не заметила, как уснула.

Проснулась от толчка, словно потряхнул кто. Какое-то время разглядывала трепещущее светлое пятно на потолке, пока не догадалась посмотреть вниз. За столом сидела бабка Антонина – вся в черном, с платком на голове и очень спокойная. Свеча горела неровным пламенем, сильно потрески-

вая. Это она отбрасывала свет на потолок, догадалась Вера. Портрет и стакан стояли рядом нетронутые.

– Не бойся, милая, спускайся, – заговорила Антонина. – Тяжко мне смотреть вверх.

А она и не боялась. Чего бояться снов? Даже самых страшных. Во сне еще никто не умирал, ну в смысле от того, что снилось. Подумаешь, потрясешься немного, а потом поймешь с облегчением, что все это лишь пригрезилось.

Вера слезла с печи и уселась на соседний стул. Ноги, правда, мерзли слишком правдоподобно. Да и дом выстыл как-то по-настоящему. Но, наверное, и так бывает во сне.

Антонина какое-то время молчала, давая возможность Вере рассмотреть себя. Легкая улыбка тронула ее жесткие губы:

– Что скажешь? Не такой меня себе представляла?

– Точь в точь такой! Как с портрета сошли, – улыбнулась Вера. Ее уже начало разбирать любопытство, что же здесь понадобилось троюродной бабке? Или она так каждую ночь планирует приходить? Собственно, Вера не против пообщаться с умным человеком во сне, хоть и умершим недавно.

– Не бойся, больше не побеспокою, – ответила на невысказанный вопрос Антонина. – Ждала я тебя, долго... И бабке твоей писала, намекала. Но видно, не поняла она меня. Совсем чуть-чуть не дождалась, – горестно вздохнула она. – Вот и пришлось прибегнуть к воскрешению.

– А вы разве знали про меня?

Становится все интереснее. Оказывается, в то время, как Вера умудрилась напрочь забыть про свою дальнюю родственницу, та ждала ее в гости.

– А то ж. Конечно знала. Не так много нас в роду. И ты единственная годишься. Она покопалась в складках своего платья и достала маленькую бутылочку, наподобие пузырька с лекарством, из темного стекла. Вытащила пробку и протянула Вере.

– На-ка, выпей.

Еще не зная, что будет делать дальше, Вера взяла бутылочку и понюхала содержимое. В нос ударил резкий травяной запах. Что-то знакомое в нем было, но что именно она не сообразила.

– А зачем мне это пить?

– Нужно, раз говорю, – усмехнулась Антонина, а потом сразу опять посерьезнела: – Пей по добру. Иначе заставлю.

Вера взгляделась в ее глаза. Умные, проницательные и добрые. Не может человек с такими глазами желать ей зла. Да и это же всего лишь сон. Наверное, можно довериться доброте бабки и собственной интуиции.

Жидкость внутри пузырька оказалась приторно сладкой и щипающей язык. Неслабая концентрация трав! В реальности, выпей она такое, прибалдела бы, как от наркоты. А, была не была. Вера заглотила сразу все содержимое пузырька, покашляла с минуту, а потом во рту осталось лишь приятное

послевкусие, чем-то напоминающее корицу.

– Умница, девка! Знала я, что не ошиблась в тебе. А теперь закрой глаза.— Зачем?

Этого она точно делать не хотела. Смотреть гораздо интереснее, чем просто слушать. Но ей даже мысль додумать не дали – Антонина подняла руку и провела ладонью вдоль ее лица, не касаясь кожи. Вера почувствовала дуновение ледяного ветра. В следующее мгновение веки опустились на глаза, и она даже силой не могла их открыть. Как и пошевелиться тоже была не в состоянии – ее словно привязали к чему-то твердому.

– Не обижайся, милая, но для чистоты ритуала ты должна оставаться неподвижной, – услышала она голос бабки. Что-то зашуршало. Видно, Антонина встала и принялась обходить ее по кругу. Через минуту Вера поняла, что звук изменился – уже не слышались шуршания, зато вокруг нее создавалось завихрение, как будто она оказалась в центре небольшого смерча. Ее бы закружило, как волчок, не пригвозди ее бабка к месту. Стало невыносимо холодно. Зубы выколачивали бы барабанную дробь, если бы смогли. Казалось, еще чуть-чуть, и она покроется тонкой коркой льда.

В комнате вновь зазвучал голос Антонины, но теперь словно издалека:

– Ветры земные и подземные! Призываю вас! Откройте ее душу немедленно. Не хочет добровольно, сделайте это насильно. Повелеваю!

Вера почувствовала, как стул подбросило слегка, а потом тело пронзила нестерпимая боль, которая мгновенно прошла. Было похоже на удар током, случалось с ней такое однажды в детстве. Ничего себе сон! Надо будет обязательно рассказать про него Максу. Никогда еще до этого ей не снилось ничего даже отдаленно такого реалистичного.

– Заберите у меня все, чем владею, – продолжала Антонина. – Отдайте ей – преемнице моей! Запечатайте силы эти в ней под семью замками. Глаза слепы, уста немые, из памяти вон! Да свершиться сказанное!

Уснула она что ли во сне? Вера встрепенулась. Стыд-то какой! Да и возможно ли это? Слава богу, Антонина еще не ушла.

– Я отвлеклась, извините. Вы что-то рассказывали мне? – вежливо поинтересовалась она, радуясь, что бабка не злиться, а напротив довольно улыбается.

– Не страшно. Собственно, пора мне... Я лишь хотела взглянуть на тебя, какая ты. Интересно же, кто решился переступить порог моего дома. Да и родня, как никак. В общем, живи, милая, и будь счастлива. Я бы стала твоим ангелом хранителем, да не позволительно это мне. Но наблюдать стану оттуда, – она указала пальцем вверх. – Видеться мы больше не сможем. Но если вдруг тебе понадобится совет. Это в самом крайнем случае! Иди в лес. За поляной найдешь старый дуб. Он самый большой там, издали видать. В нем дупло есть. Положи туда записку с вопросом. Поста-

раюсь помочь.

Нос замерз. Ноги тоже, потому что одеяло сползло. А вот животу так тепло, что аж просыпаться не хочется. Вера разлепила глаза, радуясь яркому солнцу, проникающему в окно и лучами скользящему по полу. Как же отлично она выпалась! С удовольствием смачно потянулась и тут же подскочила, услышав недовольное ворчание и почувствовав, как что-то вцепилось ей в живот.

Вера откинула одеяло и наткнулась на два возмущенных желтых глаза с узкими зрачками на абсолютно черной взъерошенной мордочке.

– Батюшки! Ты откуда взялся, малыш?

– Мяу, – было ей ответом и сопровождалось сладким зевком.

Котенок встал на лапы, выгнул спину, потягиваясь, и грациозно соскочил с печи. Как будто тут и был – до такой степени по-хозяйски принялся выхаживать по комнате. Вера даже глаза протерла. Чудеса, да и только. Ночью приснилась ей бабка Антонина, поговорить ей видите ли захотелось. С утра еще один сюрприз. Но несмотря ни на что, выпалась она знатно. Правда, дом выстыл, с печи слезать страшно. Но это поправимо.

Вера собрала волю в кулак и прыгнула вниз. Первым делом подбросила дров в печь и с армейской скоростью облачилась в лыжный костюм. А вот теперь можно подумать, что

делать с пришельцем.

– Пойдешь? – спросила она, распахивая дверь и предлагая мальцу убраться восвояси.

Но только замерзла и получила в ответ насмешливый взгляд. А потом котенок и вовсе повел себя нагло – запрыгнул на стол и растянулся на нем во всю длину своего маленького тельца.

– А ты чистенький, на домашнего похож.

Такой забавный котенок, что даже ругать его рука не поднимается, как и выгонять на мороз. Вера зарылась пальцами в шелковистую шерстку, и в награду ей раздалось приглушенное урчание.

– Лапуля. Так и назову тебя. Оставайся, ладно. Только ведь тебя кормить чем-то нужно, а мне и самой есть нечего.

Тут взгляд ее упал на свечу, и Вера почувствовала, как задрожали руки, и тело покрылось испариной. Свеча стала вдвое меньше, чем была вечером. И оплыла так, что под подсвечником застыла восковая лужица.

Что же получается? Что никакой это был не сон? Вот теперь Вера испугалась, вспоминая, как сидела и беседовала с мертвой Антониной. За жизнь они трепались, понимаешь ли. Так по-свойски, как будто это в порядке вещей разговаривать с умершими. Одно успокаивало, что бабка Антонина дала обещание больше не являться. Вот только рассказывать об этом она никому не станет, не поверят, а то и засмеют. Ну разве что с Максом поделится, если они помирятся ко-

гда-нибудь.

Чтобы не усугублять страх, Вера решила думать логически. Ну было и было. Мало ли чего в жизни случается... Нужно постараться воспринимать это, как все странное, что порой происходит с человеком, и чему не находится объяснения. А иначе она рискует загнать себя в угол и стать рабой собственного страха. Для начала она решила ни в коем случае не бояться дома Антонины. А по-другому ей не выдержать тут еще четыре дня.

Кроме того, были более насущные дела, чем, например, покормить котенка, раз уж прибился бедолага. Лапуля, тем временем, спрыгнул со стола и обнюхивал новое жилище. Нужно еще его пристроить куда-то перед отъездом. Хотя, что-то ей подсказывало, что такой проныра нигде не пропадет.

Только Вера собралась выйти из дома в магазин, как в дверь постучали. Не дожидаясь приглашения, в комнату валился огромный мужик, нанеся с собой небольшой сугроб снега, словно он кувыркался в нем только что.

– Ты что ли Вера? – спросил он, снимая шапку и комкая ее в ручищах. Странно было наблюдать такого большого и столь неуверенного в себе.

– Я. Здравствуйте.

Вера не знала, как вести себя. Стоит ли уже начинать опасаться? Не похож мужик на злодея вообще-то. Скорее на провинившегося смахивает. Еще есть вероятность, что это

один из юродивых, которые есть в любом селе. Но и на такого не похож, вынесла Вера вердикт при более подробном рассмотрении гостя.

– Мне это... Помочь ты мне должна, девушка, – вновь заговорил дядька.

– С радостью, если это будет в моих силах, – решила проявить городскую вежливость Вера. – Да вы проходите, чего на пороге топчетесь. Присаживайтесь, вот.

Она выдвинула стул и указала на него гостю. Ей даже показалось, что он вздохнул с облегчением, в два шага очутившись у стола.

– Так чем же я могу вам помочь? – не выдержала Вера, когда поняла, что молчание затянулось, и гость никак не решится заговорить.

– Тут это... проблема у меня, – он так на нее посмотрел, столько боли и щенячьей преданности в глазах, что в душе шевельнулась нормальная человеческая жалость. – Не могу так больше. Сил моих нету... Баба злиться, а я что? Я ей, не получается, мол, у меня ничего. А она, да какой ты мужик после этого? Мне, мол, по хозяйству найти силу раз плюнуть. А о душе моей кто подумает?

Вера ничего не понимала. Старательно вникала в сбивчивую речь и не находила в ней смысла. Что же у него такого не получается, что он решил у нее просить помощи? Вроде это касается чего-то нематериального. Устав ломать голову, спросила его на прямую. И чуть не упала, как подкошенная,

когда он ответил:

– Силы во мне мужской нет, понимаешь? Ну, такой, что вам, бабам, требуется. Вот и пришел к тебе за помощью потому.

Тут до Веры, наконец-то, дошел смысл его слов.

– А я-то как могу помочь?! – вскричала она и попятилась от стола.

– Как это как? Бабка твоя справлялась, народ поговаривает, с такими проблемами. Многих вылечила от немощи. И ты сможешь, значит.

– Я?! Да я-то тут при чем?

Господи, вот это недоразумение, так недоразумение! Никогда еще Вера не оказывалась в столь дурацком положении. Человек пришел к ней с сокровенным, а ей хочется поколотить его палкой и прогнать вон.

– Ты не подумай, я умею благодарить. Все что хочешь для тебя сделаю, только избавь меня от этой хвори.

Он подался вперед, того и гляди бухнется перед ней на колени. Что же делать? Как достойно выкрутиться из щекотливой ситуации? Объяснять ему сейчас, что она и Антонина не одно и то же, бесполезно. Это Вера читала в его глазах, которые разве что не кричали с мольбой, но взирали так, что хотелось сквозь землю провалиться.

– Вот что! – решила она. – Идите домой, а я попытаюсь решить эту проблему. Мне надо подумать. Приходите вечером. Ладно?

Выпроводив, практически вытолкнув мужика за дверь, Вера заметалась по комнате. Она уже забыла, что не завтракала и котенок не кормлен. Желание посетить местный магазин тоже выветрилось из головы. Одна мысль пульсировала в мозгу: «Ей нужен интернет. Жизненно необходим!» Через пять минут она уже бежала в сторону дома Самоделкина, про которого ей вчера рассказал необщительный сосед.

Глава 6

Несмотря на яркое, даже слепящее солнце, мороз крепчал. И Вера бы обязательно обратила на это внимание, если бы так не торопилась. Но лишь когда увидела небольшое строение, смахивающее на вагончик, с гордой надписью «Универсам», поняла, что не чувствует ни ног, ни рук, ни лица. И при каждом вдохе ноздри слипались, будь они неладны, а запыхалась она неслабо.

Ну и где же тут дом Самоделкина? Вера посмотрела по сторонам и сразу же заприметила неказистую деревянную постройку. И ни чем бы дом особенным не отличался от остальных, если бы не был весь увешан антеннами, кабелями и самодельными тарелками. Что-то среднее между новогодней елкой и гигантской катушкой индуктивности. Значит это и есть жилище местного изобретателя.

В дверь Вера колотилась так, словно доживала последние минуты. К тому моменту она замерзла до такой степени, что когда дверь открыли, едва не ввалилась в проем.

– Не иначе, как ко мне пожаловала Снегурочка, – услышала она голос, а потом и увидела его обладателя.

Изобретатель оказался под стать своему дому – невысокий, худощавый, волосы нечесанные и торчат во все стороны, а на носу очки с толстенными линзами, за которыми глаза кажутся неестественно большими. Но все это Вера разгляде-

ла позже, когда немного оттаяла, отпаиваемая горячим чаем.

– Ты кто ж такая будешь? Что-то я тебя раньше не видел.

Чай сделал свое дело, и мышцы на лице Веры вернули чувствительность. Она смогла выдавить улыбку и ответить:

– Вероника Ветрова – внучка покойной Антонины, – протянула она руку.

– Ух ты! Уважаю... У такой бабки не может быть плохой внучки. Да и с виду ты ничего.

– А вы Василий Самоделкин?

– Василий Петрович Ростропович, – подбоченился он и снял очки, отчего глаза сразу стали обычными человеческими – натруженными и с хитрецей. – Наградил же бог фамилией.

Они обменялись рукопожатием. Внутри жилище ученого (Вера так его окрестила про себя) выглядело под стать внешнему убранству – кругом валялись микросхемы, пахло паяльником и много книг в шкафах разной масти вдоль стен. В таком доме Вере еще не доводилось бывать.

– Дядь Вась, мне сказали, что у вас есть интернет. Вы моя последняя надежда, – взмолилась она и разве что руки не сложила перед собой в соответствующем жесте.

– Ну, во-первых, какой я тебе дядя Вася. Мне лет-то всего сорок. А во-вторых, интернет-то есть, но вот захочет ли он бегать сегодня?

– Мне очень нужно. Очень, очень!

– Ну я же не царь бог. Пойдем, посмотрим, в каком он

настроении.

Вера прошла за Самоделкиным в соседнюю комнату, не менее захламленную, и даже не удивилась, увидев допотопных времен компьютер, с вытянутой задней частью и выпуклым монитором. А глядя на клавиатуру, казалось, что Василий сам ее собирал из подручных материалов.

– Ну, красавчик, – он любовно смахнул пыль с поверхности агрегата, нажимая на кнопку процессора.

Загудел компьютер, как маленький трактор. Даже завибрировал слегка. Вера с нетерпением смотрела на экран. Когда он нежно засветился, незаметно перевела дух. Она даже самой себе боялась признаться, как не надеется на удачу. Осталось, чтобы Самоделкину удалось настроить интернет.

Все еще боясь дышать, Вера наблюдала, как Василий уселся в крутящееся кресло, по всей видимости, тоже самодельной конструкции и как заправский хакер застучал по клавиатуре, набирая замысловатые комбинации из кнопок. Несколько раз он зависал и пристально вглядывался в экран, потом чертыхался и снова стучал по кнопкам, пока не появилась заставка браузера.

– Аллилуйя! – вскричал он и резко крутанулся, отчего кресло пронзительно взвизгнуло, словно заявляя, что подобного обращения не потерпит. – Добро пожаловать во всемирную паутину!

Вера с опаской заняла освободившееся место. Впрочем, кресло оказалось очень даже удобным, хоть и капризным,

потому что все время жалобно вякало.

– Ну, ты тут работай, а я пойду дальше мастерить. Световой день нынче короткий. Ежели что, зови.

Оставшись одна, Вера первым делом зашла в почту. Непросмотренных уведомлений скопилось прилично. Удалив «мусор», она ответила на несколько важных писем из редакции. Потом написала маме, от которой тоже было два письма. Успокоила, что с ней все в порядке, что уехала в командировку, а роуминг подключить забыла. Одно сообщение она оставила напоследок, как самое важное. Даже не удивилась, прочитав его. Примерно такого и ожидала. «Смолькина, куда тебя леший погнал? Какое еще важное дело?!» Макс не изменяет себе – ни слова о ссоре, пишет как ни в чем не бывало. Только вот он даже представить не может, насколько прав. Вере и самой сейчас казалось, что она, как в той сказке – пошла туда – не знаю куда, взять то – не знаю что. Но как в этом признаться лучшему другу, если даже перед самой собой стыдно? Да и некогда сейчас ломать голову над философской проблемой, когда есть более насущные дела.

«Макс, срочно выходи на связь! Знаю, что ты за компом. Дело жизни и смерти!» За неимением современных средств быстрой связи, пришлось воспользоваться почтой. Оставалось надеяться, что у Макса сейчас окно, и он не втолковывает с профессорским видом прописные истины нерадивым студентам.

Ответ пришел сразу же – Вера чуть не расцеловала пыльный экран.

«Почему-то я не удивлен. Во что ты уже вляпалась?»

Немного покоробил пренебрежительный тон, но Вера отбросила лишние мысли и сосредоточилась на главном.

«Что ты делаешь, когда у тебя проблемы с... – она задумалась. Как же это обозвать-то получше? Что б и не напрямую, и понятно было, о чем речь? – ... Мужским достоинством?»

«Смолькина, ты чего мелешь? Каким еще мужским достоинством???!!!»

«Когда ты с девушкой не можешь... ну ты понимаешь».

Положение становилось все более щекотливым. Не привыкла Вера вести настолько откровенные беседы с другом, но и выхода не было.

«Не могу, что?»

«Макс, ну не прикидывайся, очень прошу. Мне правда важно, как ты справляешься с мужской немощностью?»

«Извини, тут я пас, с этим делом у меня, к сожалению, порядок. А теперь быстро говори, во что ввязалась!»

Вера чуть не заплакала, сообразив, что друг иронизирует, и что помощи от него ждать не приходится.

«Прости, что побеспокоила. Сама разберусь со своими проблемами».

Настроение портилось стремительно, но поддаваться нельзя. Вера опасалась, что вот-вот интернет Василия закапризничает, а она так и не успеет найти решение проблемы.

Оставалась поисковая система. «Импотенция мужское бессилие народные методы лечения», набрала она в поисковой строке. Такого вала рецептов на первом же сайте под таинственным названием «Рецепты бабушки Агрипины» Вера не ожидала. Даже голова закружилась от изобилия информации. Она принялась их перечитывать, выбирая самый подходящий. Чувствовала себя при этом настоящей шарлатанкой, если не сказать мошенницей. Ну как могут рисовая мука или тыквенные семечки помочь при проблеме, которая считается социальной? Не только мужчина виноват в собственном бессилии, а время и возраст. Когда человек вынужден с молодости пахать физически, чтобы прокормить семью, то чего можно ждать от организма. Постепенно он надрывается и сил на удовольствие уже не остается. И она бы всей душой хотела помочь, зная, как это важно для гармоничной жизни. Но что она может? К сожалению, бабка Антонина умерла, и второй такой уже не будет. Только сейчас Вера осознала, насколько важна была роль знахарки на селе, где и врачей-то нет. Не удивительно, что провожать ее вышли все и плакали.

Записав рецепт в блокнот, Вера с тяжелым сердцем закрыла сайт и заглянула в почту напоследок. Как и думала, там висело письмо от Макса: «Верка, да что случилось?! Что за странные вопросы ты задаешь? И где ты вообще?» Отвечать на него не стала. В двух словах не расскажешь, а на подробности нет ни времени, ни желания. Возможно, как вернется, постарается все объяснить. И то вряд ли...

Самоделкин пыхтел над какой-то микросхемой, едва не дотрагиваясь до нее носом. Как он еще не припаял нос к ней? Вера поблагодарила за помощь, получила разрешение приходить в любое светлое время суток и отправилась восвояси.

На обратном пути зашла в магазин, вспомнив, что дома ни крошки, и появился дополнительный рот. В магазине ее ждало разочарование с примесью возмущения. На просьбу продать молоко, дородная продавщица округлила глаза и просветила, что такого отродясь не бывает, что молоко можно взять в любом дворе, где есть корова. Сахар у них продавался только пятидесяти килограммовыми мешками. А хлеб был таким черствым, что им убить можно.

– Что же у вас есть?! – возмутилась Вера, когда и в масле ей тоже отказали.

– Да все, что угодно. От гвоздей до свадебных уборов, – гордо обвела взглядом продавщица захламленное помещение.

Вера чуть не плакала, когда покидала универсам с двумя банками тушенки. Эдак она тут ноги протянет и до отъезда не доживет.

Поравнявшись с домом бабы Маши, она решила заглянуть в гости. Так захотелось простого человеческого тепла, чуточку сочувствия и доброго слова. Макс – чертов дурак. Когда ей так нужна его поддержка, он мелет всякую чушь под видом беспокойства. На самом деле ему плевать, где она и что с ней. А к кому ей еще обращаться? Не отцу же задавать та-

кие вопросы. Вот уж кто точно не поймет или, чего доброго, решит, что у дочери с головой не все в порядке.

– А батюшки! Ты чего такая кислая? И губенки вон дрожат...

От сочувственного тона бабы Маши Вера горько расплакалась, сама от себя не ожидая. Вдруг почувствовала себя такой несчастной, да к тому же замерзла ужасно.

– А ну-ка, прекращай слезы лить! Раздевайся-ка, проходи... Рассказывай, чаво стряслось?

Баба Маша усадила ее за стол, взяла Верины руки в свои и заглянула в лицо. То ли искренняя доброта в усталых глазах женщины так подействовала, то ли истосковалась она по участию, только Вера, как на духу, выложила ей все. И про неудачи с издательствами рассказала, как ломится в наглухо закрытые двери почитай уже два года. Как из-за этого с личной жизнью полный бардак, а годы-то идут... Как единственный друг и соратник перестал ее понимать. Умолчала только о цели своего визита в деревню. Про такое сумасбродство стало просто стыдно рассказывать.

– А тут еще мужик припер с утра пораныше. Лечи меня, говорит, как бабка твоя всех лечила, – всхлипнула Вера, растирая слезы по лицу. – А какая я целительница?! Так, неудачница по жизни.

– А ну-ка, брось! Негоже наговаривать на себя! Боженька, он ведь, все слышит. – Баба Маша показала пальцем вверх, чем напомнила Антонину из сна. У Веры даже холодок про-

бежал по спине. – А услышит он и сделает по-твоему, что тогда говорить будешь? Не грехи, девка! Не считаешь ты себя такой и слезы льешь тут напрасно.

Пристыдила, так пристыдила. Плакать сразу расхотелось. И чего это она нюни-то распустила? Совсем нервы расшатались. Сидит перед посторонним человеком и загружает своими проблемами. Да и не проблемы это для бабы Маши. Она, поди, и половины не поняла, из того, что Вера ей рассказала.

– Что за мужик-то приходил? Звать как?

– Да, откуда я знаю! Не представился он. Огромный такой, как медведь. Глаза еще такие светлые и кроткие, а ручки, как кувалды.

– Кроткие говоришь? Уж не Михаил ли Сотников, муж Стешки? А чаво ему надобно-то? От какой напасти лечить требовал?

Вера почувствовала, как краснеет. Неловко стало обсуждать чужие интимные проблемы с посторонним человеком. Что если баба Маша окажется сплетницей и разнесет по селу пикантную новость, что Михаил Сотников импотент? Вера же себе потом не простит этого.

– Да, на спину жалуется. Думаю, радикулит его замучил? – соврала она.

– На спину? – баба Маша подозрительно прищурилась. – А жинка его бабам рассказывает, что в постели он бесполезный, как пустой боб. А тут еще спина... Вот же ж бедолага.

Ну и трепло же, баба его! Вера разозлилась. Мужик-то хо-

роший, сразу видно. А жена его перед всем селом позорит. Да поди и дома запилила в хлам. Ничего удивительного, что он супружеский долг исполнять не может.

– Ну а ты ему что?

Перед Верой уже дымился чай, и обоняние будоражил запах разогретых пирожков.

– Выпроводила до вечера. Сказала, что мне нужно подумывать.

– А вечером что делать станешь?

– Не знаю, – Вера снова приуныла.

– А не чувствуешь ты в себе того... силы какой, которой раньше не было?

– Баб Маш! Ну какая сила?!

Вера опять чуть не расплакалась. И она туда же! С ума они тут что ли все посходили?

– Ладно, ладно... не голоси, – замахала руками старушка. – Нет силы и ладно. Я просто подумала грешным делом, не перепало ли тебе что от родственницы.

Она категорически отказывалась даже говорить на эту тему с кем бы то ни было. Не то что пробовать себя на практике. От Михаила как-нибудь отвяжется. А там, три дня потерпеть и все закончится. Только вот что делать с договором с издательством? Стыд такой! Где только была ее голова, когда писала им письмо? Вера представила выражение лица Макса, когда он узнает, во что она умудрилась вляпаться. Уж точно не похвалит. Ладно если идиоткой после этого считать

не станет. Но общаться с ней и дальше вряд ли захочет. Да и надо подумать, как изменить свою жизнь. Заиклилась она в последние годы – ходит по кругу и не может из колеи выскочить.

– Баб Маш, вы мне не дадите немного молока?

Вера рассказала старушке про неожиданного питомца. Пожаловалась, что в магазине ей ничего не продали. Баба Маша долго смеялась, до слез.

– Ох уж эти мне городские барышни. Совсем не знаете вы жизни в глубинке. Ну кто ж сюда молока-то повезет? Когда своего навалом.

Домой Вера уходила нагруженная под завязку. Баба Маша снабдила ее и молоком, и сахаром, и картошки наложила небольшую торбу. Половину свежего каравая отрезала, от запаха которого сразу потекли слюнки. От соленых огурцов и квашеной капусты Вера хотела бы, не смогла отказаться, уж больно она их любила. Даже баночку маринованных грибов старушка умудрилась ей всучить со словами: «Попробуешь, оторваться не сможешь». В общем, еле до дома доплелась. Переступив порог, сползла по стеночке и какое-то время сидела на полу, чувствуя, как дрожат руки.

Огонь в печи только догорел. В доме было даже чересчур тепло. Лапуля выбежал ее встречать, как будто всегда тут и был. Принялся тереться об ноги и громко мурлыкать. Первым делом Вера налила ему молока, а потом решила попробовать приготовить в печи похлебку. Даже появился азарт, а

сможет ли она приспособиться к деревенской жизни, пусть и всего на три дня. В многофункциональных сундуках бабки Антонины она нашла сушеные укроп и петрушку. Щедро добавила их в похлебку. Чувствовала себя героиней, когда из печи по комнате начал разноситься аппетитный запах готовящейся еды. И тушенка пришлась как нельзя кстати. Чу-гунок для верности продержала в печи на час дольше, из-за чего похлебка загустела и больше напоминала настоящее деревенское жаркое – с золотистым, запеченным до корочки, картофелем.

К тому моменту, как Вера сервировала стол и первым накормила приبلудного Лапулю, сама она нанюхалась и проголодалась до такой степени, что набросилась на еду, плюя на элементарные правила приличия, таская вкуснящие маринованные грибы бабы Маши прямо пальцами из банки. Когда умяла внушительную порцию жаркого, поняла, что переборщила – дышать было нечем и в сон клонило со страшной силой. Только спать на закате не дело, а вот размяться не мешало бы.

Вера накинула пуховик и вышла на крыльцо – вдохнуть морозного воздуха и освежить голову. И надо же было именно в этот момент выйти из бани соседу. Обнаженный, в клубах пара, он показался ей Адонисом. А когда он поднял жбан с водой и окатил себя ею с головой, Вера почувствовала, как у нее подкашиваются ноги и пылает лицо. Она забежала в дом, безуспешно пытаясь унять пустившееся вскачь сердце.

Никогда еще прежде она не встречала таких красивых мужчин. Словно высечен из мрамора. Плечи широченные, таз узкий, каждая мышца на своем месте и отчетливо просматривается. Точно Адонис. Жаль только она не Афродита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.